

«ЛОБ»

Уразбаев Малик

Оригинальный сценарий

НАТ. ЦАРСКОЕ СЕЛО. УТРО.

ТИТР:

Правление Императрицы Екатерины 2-й

Прорезанное ровными линиями аллей пространство регулярного парка.

Яркое августовское солнце освещает вершины лип, под сенью которых белеют скульптуры мифологических персонажей.

Чистое синее небо отражается в неподвижных водах широкого пруда; несколько белых лебедей важно выплывают из-за кустов, окаймляющих его пологие берега.

По тенистой аллее неторопливо идет императрица ЕКАТЕРИНА 2-ая в белом утреннем платье; лицо ее, полное и румяное, выражает важность и спокойствие. За ней следуют статс-секретарь и чуть поодаль два слуги.

ТЕКСТ УКАЗОВ (З.К.)

Объявляется во всенародное известие. По высочайшей Ее Императорского Величества конфирмации повелевается: если кто из помещиков людей своих отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской коллегии принимать и употреблять в тяжелую работу на такое время, на сколько помещики их похотят, и во всю ту оных людей довольствоваться пищею и одеждою из казны равно с каторжными; когда ж помещики их пожелают обратно взять, то отдавать им беспрекословно.

Императрица со свитой подходит к мостику, переброшенному через рукотворный канал, окружающий по периметру павильон «Эрмитаж».

Стоящий на часах усатый гвардеец - «ИЗМАЙЛОВЕЦ» ловко выполняет команду «на караул», вытягивается в струнку и замирает.

Екатерина останавливается, оглядывает с ног до головы застывшего солдата; подходит ближе.

ЕКАТЕРИНА 2-АЯ

Как звать тебя?

ИЗМАЙЛОВЕЦ

Солдат первой роты Его
Императорского Величества
Измайловского гвардейского
полка Александр Семенов,
Ваше Императорское
Величество!

Удовлетворенная выправкой гвардейца Екатерина улыбается, вынимает из поясного кармашка серебряную монету и протягивает ее часовому.

ЕКАТЕРИНА 2-АЯ

Вот тебе рубль на водку,
возьми.

Солдат скашивает на рубль глаза, но взять его не смеет и остается недвижим.

ЕКАТЕРИНА 2-АЯ

Молодец, службу знаешь.

Императрица треплет часового по щеке и дает приложиться к ручке.

ЕКАТЕРИНА 2-АЯ

Я его тебе здесь оставлю.
Как сменишься, так
обязательно возьми.

С этими словами она кидает монету на землю к ногам часового; разворачивается и величественно следует дальше по направлению к павильону «Эрмитаж».

Ее свита вслед за императрицей ступает на мостик.

ТЕКСТ УКАЗОВ (З.К.)

Во всенародное известие. По высочайшей Ее Императорского Величества конфирмации повелевается: когда кто не из дворян и не имеющих чинов осмелится Ее Императорское величество подачей в собственные руки челобитных утруждать, то за первое дерзновение отсылать таковых в работу на каторгу на месяц; за второе с наказанием публично отсылать туда же на год; а за третье преступление с наказанием публично плетьюми ссылать вечно в Нерчинск с зачетом крепостных помещикам их в рекруты.

Екатерина останавливается у павильона, разворачивается и смотрит вдаль.

Перед ней расстилается идеально разбитый регулярный парк.

ТЕКСТ УКАЗОВ (З.К.)

Правительствующий Сенат за нужное почел обнародовать, чтоб помещичьи люди и крестьяне имели бы к своим помещикам должное повиновение и беспрекословное во всем послушание, как о том издревле от самодержавных предков Ее Императорского Величества узаконено. А если и по обнародовании сего Ее Императорского Величества указа крестьяне в должном послушании не останутся и на помещиков своих челобитные подавать отважатся, так челобитчики и сочинители сих челобитных наказаны будут кнутом и прямо сошлются на вечную работу в Нерчинск с зачетом их помещикам в рекруты.

Освещенная утренним августовским солнцем императрица Екатерина смотрит на сияющий позолотой Екатерининский

дворец, на бескрайние просторы своих владений, уходящие далеко-далеко за линию горизонта.

НАТ. ГУБЕРНИЯ. ДЕНЬ.

Живописный пейзаж средней полосы: под бледно-голубым небом тянутся убранные поля, слегка вздымаясь и опускаясь снова, кое-где виднеются густые леса, вьются реки и речки с обрытыми берегами. Тут и там раскиданы деревеньки с низкими избами и сараями под темными, часто до половины разметанными крышами, над которыми возвышаются маковки церквей с накренившимися крестами. Тонкими лентами тянутся от одного поселения к другому желтые пыльные дороги.

По одной из них лошадь понуро тащит поскрипывающую телегу грузеную парой мешков и бочонком. Рядом идут два крестьянина, отец и сын Ермолаевы, ЕФРЕМ и ПАВЕЛ, оба приятные лицом, оба изрядного роста и телосложения, оба в расшитых красным праздничных белых рубахах и войлочных шапках.

ЕФРЕМ

Опять скрипит, будь она
неладна. Сколько уж сала
извели.

ПАВЕЛ

Я говорил, батюшка, давно
ось надо менять.

ЕФРЕМ

Вот сам после свадьбы и
поменяешь.

ПАВЕЛ

Зачем ждуть? Я сегодня
ввечеру и сделаю все.

ЕФРЕМ

Да где же ты ось возьмешь?

ПАВЕЛ

На ссечках, в берестовской
роще.

ЕФРЕМ

Смотри, Пашка, попадешься,
несдобровать тебе, выплет
тебе барин плетей.

ПАВЕЛ

Не попадусь. Я там каждую
тропку знаю.

ЕФРЕМ

Ты, может, и не попадешься.
Свои бы не выдали. Но-о!
Живей, будь ты неладна!

Ефрем хлещет хворостиной по крупу лошади, понуждая ту ускорить шаг.

НАТ. УСАДЬБА ГРАФА САЛТЫКОВА. ДЕНЬ.

ТИТР:

Имение графа Салтыкова. 1793 год

Поместье графа располагается на пологом открытом холме, окруженном дубовой рощей. От чугунных ворот, у которых на пеньке дремлет ЗАХАР, старик-сторож в побитом годами мундире Елизаветинских времен, идет широкая аллея; она упирается в голубого цвета господский дом с белыми колоннами и графским гербом на фронтоне.

Поскрипывая, телега подъезжает к распахнутым настезь воротам. Ефрем останавливается рядом с протирающим глаза Захаром.

Сторож зевает, поднимается с пенька и принимает грозный вид.

ЗАХАР

Тпру! Куда прешь, мужичина
бестолковая?!

ЕФРЕМ

Здорово, Захар. Это я,
Ефрем. Что, не узнал что ли?

ЗАХАР

Нечего мне тебя узнавать.
Или ты порядка не знаешь?
Говори, куда едешь?

ЕФРЕМ

К барину мы с сыном. Вон,
повенечные ему привезли.
Сын, вон, жениться надумал.
В воскресенье свадьба.
Милости просим.

Сторож щурится на Павла, подходит к телеге, щупает мешки, костяшками пальцев стучит пару раз по бочонку.

ЗАХАР

Повенечные, говоришь? И что
там у тебя?

ЕФРЕМ

Два пуда ржи и меду пуд.

ЗАХАР

Голытьба. И лошаденка, я
гляжу, у тебя, Ефрем, совсем
хворая. Кожа да кости.

Ермолаевы молчат, а сторож неторопливо подходит к кобыле и
заглядывает ей в зубы.

ЗАХАР

А невеста кто?

ПАВЕЛ

Вам что за дело?

ЗАХАР

Цыц, щенок! Помолчи, пока
старшие говорят.

ЕФРЕМ

Нашенская. С Берестовки.
Слышал, небось, Анютка,
Касьянова дочь. Царство ему
небесное.

Ефрем и его сын крестятся.

ЗАХАР

А-а, слышал, слышал. Бабы
говорили, красивая девка,
видная. Ладно, проезжай,
женихи.

Ефрем бьет лошадь хвостинкой по крупу, и телега въезжает
в ворота; за ней в них входят Ермолаевы, предварительно
сняв шапки.

Захар смотрит им вслед.

ЗАХАР

Смотри, Пашка, чтобы бариц
твою Анютку себе не забрал!
Он у нас до девок большой
шутник. От Федьки Хромого уж
третью невесту во двор
оттягал.

Старик-сторож возвращается к своему посту на пеньке.
Достает из кармана трубочку и огниво.

ЗАХАР

(себе под нос)

Да, большой шутник, нечего
сказать. Оборони Господь от
его шуток.

НАТ. УСАДЬБА ГРАФА САЛТЫКОВА. ГОСПОДСКИЙ ДВОР. ДЕНЬ.

Ефрем останавливает телегу у парадного крыльца голубого
дома, вокруг которого не видно ни души. В тишине слышно
жужжанье шмеля. Ермолаевы ждут, когда их заметят.

ПАВЕЛ

Что, правду Захар про Федьку
Хромого сказал?

ЕФРЕМ

Правду, сынок. А то ты не
знал?

ПАВЕЛ

Я думал, это так, пустые
разговоры. Да и Фекла его
бедовая девка была.

Ефрем горько усмехается в бороду, смотрит на сдвинувшего
брови сына.

ПАВЕЛ

Я баричу свою Анютку не
отдам.

ЕФРЕМ

Пашка, не шали.

ПАВЕЛ

Слышишь, мое слово верное.
Говорю тебе, никому не отдам
Анюту. Ни барину, никому.

ЕФРЕМ

Кто тебя, сынок, спрашивать
будет? Не отдашь сам, так
возьмут силой. Еще и плетей
всыпят. А еще хуже, в
рекруты отправят.

ПАВЕЛ

Как же это так? Почему? Что
же мы такое?

ГРАФ П.А. САЛТЫКОВ

(зычным голосом)

Болваны, что встали?!

Из окна второго этажа показывается раздобрившая розовая физиономия, обрамленная густыми поседелыми бакенбардами. Это старый барин, граф ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ САЛТЫКОВ.

Ермолаевы кланяются низко в пояс.

ЕФРЕМ

Батюшка Петр Алексеевич,
вон, привезли тебе
повенечное. Сын, вон,
жениться надумал.

ГРАФ П.А. САЛТЫКОВ

Васька! Васька! Прими,
дармоед!

Из дома выскакивает приказчик ВАСЬКА в засаленной ливрее и съехавшем набок парике.

ВАСЬКА

Чего там у тебя?

ЕФРЕМ

Два пуда ржи и меду пуд.

ВАСЬКА

Давай, вези скорей на задний
двор. Мед на кухню отдай, а
хлеб в амбар. Тебе там повар
покажет.

Вслед за Васькой, появляется барич, молодой граф МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ САЛТЫКОВ в распахнутом халате, из-под которого выглядывает исподнее. Михаил Петрович – точная копия своего отца, только на двадцать с гаком лет моложе. Он стоит на крыльце, с презрением смотрит на Ефрема и Павла, поигрывая хлыстом. Рядом, у его ног, трутся две борзые собаки.

Ермолаевы снова низко кланяются в пояс.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Повенечное?! Кто женится?

ЕФРЕМ

Батюшка, Михаил Петрович,
сын мой, вон, жениться
надумал.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Надумал. Этот что ли? На ком
это ты жениться надумал?
Отвечай!

Ефрем бросает взгляд на онемевшего сына.

ВАСЬКА

Да на Нюшке Касьяновской.
Отец ее три года как утоп.
Царство ему небесное. А
хваткий, ты, парень,
Павлушка!

Васька хлопает Павла по плечу.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Хороша девка? Как же я про
нее ничего не знал?

ВАСЬКА

Первая красавица в
Верестовке.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Молчи, дурак, не с тебя
спрос.

(Павлу)

Ну? Тебя, болван,
спрашивают. Языка у тебя нет
что ли? Да не бойся,
дурачина.

Павел бросает взгляд на отца, на барича; молчит.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Так-так. Для себя спрятать
решили?! Хорошо, так я сам
на нее погляжу. Васька,
коня!

Васька опрометью бросается за дом. Ефрем падает на колени.

ЕФРЕМ

Помилуй, батюшка! Михаил
Петрович, прошу, не погуби!
Брюхатая она у нас. Не
погуби!

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Брюхатая? У-у, развратники!
Сейчас я вас на конюшню!

Грозит Ермолаевым хлыстом.

ЕФРЕМ

Помилуй, батюшка, не губи.

Ефрем несколько раз дергает за рукав сына.

Но набычившийся Павел не шевелится.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Васька! Дармояед! Ну, где ты там?! Давай скорей! Филимон, камзол!

Появляется Васька, ведущий под узду фыркающего жеребца.

Из дома выскакивает заспанный ФИЛИМОН с камзолом барича в руках.

ЕФРЕМ

Батюшка, кормилец, не погуби!

Ефрем пытается обхватить ногу барича.

Молодой граф грубо отталкивает его.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Пошел вон, болван! С вас не убудет!

Барич сбрасывает халат; Филимон помогает ему влезть в рукава камзола.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Васька, Филимон! Дармояеды, седлай лошадей!

Дворовые убегают, а молодой барин лихо вскакивает на коня.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Я вас проучу, мерзавцы, как девок от меня прятать!
Васька, Филимон, в Берестовку! Н-но-о!

Могучая рука Павла вдруг хватает коня под уздцы.

ПАВЕЛ

Барин, Господом Богом прошу.
Не тронь Анютку! Не гневи Бога, отвечать придется!

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Что?! Бунт?! Грозить мне вздумал, собака?!

Молодой граф замахивается на Павла хлыстом, хочет ударить.

Павел свободной рукой перехватывает хлыст и сбрасывает самого барича на землю.

ЕФРЕМ

Павлуша, сынок! Покорись, не губи себя!

Отец бросается к сыну.

ПАВЕЛ

Нет, отец, не видать ему Анютку!

Барич вскакивает с земли.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Бунт! Бунт! Вяжи разбойников! Васька, Филимон, Прошка, сюда, ко мне!

Из-за угла дома появляются Васька и Филимон; оставляют лошадей бегут к баричу.

Из дома вылетает ПРОШКА, за ним тянется любопытная дворня, разбуженная криками. Девки равнодушно лузгают семечки.

ЕФРЕМ

Э-эх, судьба наша горькая. Да видно, ничего не поделать. Беги, сынок, беги. Храни тебя Бог.

Ефрем быстро крестит сына; разворачивается к подоспевшей дворне; вырывает из телеги жердь.

Павел запрыгивает на коня, вбивает ему пятки в бока; жеребец срывается в галоп.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

(орет)

Захар, закрывай ворота! Захар!

ЕФРЕМ

(самому себе)

Беги, сынок. Дай тебе Бог.

(во весь голос)

Подходи, окаянные!

Одним взмахом жерди он сносит Ваську и Филимона с ног.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Вяжи его, вяжи! Запорю! Всех запорю! А девку - в чулочницы!

Отовсюду появляются дворовые люди; у мужиков в руках колы, дубины и веревки. Раздаются крики: «Сзади, сзади заходи!»

НАТ. ГУБЕРНИЯ. ДЕНЬ.

По убранному полю мчится конь с седоком.

Пригнувшись к холке, Павел не перестает подгонять взмыленного жеребца.

НАТ. ДЕРЕВНЯ БЕРЕСТОВКА. ДЕНЬ.

На скате перепаханного холма, у самого берега реки стоят низенькие маленькие избышки, обнесенные плетнем.

У колодезя старик поит лошадь; мимо проезжают несколько мужиков в пустых телегах; растрепанная девочка с хвостинкой гоняет гусей; видно, как кто-то копается в огородах.

Павел, не разбирая дороги, мчится к деревне, перескакивает через околицу.

Скачет по улице, распугивая собак и кур.

Крестьянка, оторвавшись от работы, выглядывает из-за плетня.

Павел осаживает коня у калитки одного из домов, спешивается, бросается во двор.

ИНТ. ИЗБА КАСЬЯНА. ДЕНЬ.

Четыре стены, до половины покрытые, как и весь потолок, сажей; печь без трубы; маленькие грязные окошки, еле-еле пропускающие дневной свет; стол, две скамьи; в одном углу корыто, в другом кадка с ковшом, а в дальнем, напротив входа, икона с лампадой. Девушка в одной рубахе, стоя на коленях, скребет поросший грязью пол.

Вбегает Павел.

Девушка оборачивается, вскрикивает от неожиданности. Это АННА; она действительно очень красива: высокая и стройная, с толстой русой косой и большими голубыми глазами.

АНЮТКА

Павел Ефремович, зачем ты
здесь?

Павел кидается к ней, обнимает ее за плечи.

ПАВЕЛ

Бежим, Анютка, бежим скорей,
молодой барин хочет тебя к
себе на двор забрать.

АНЮТКА

Барин? На двор?

ПАВЕЛ

Да, да. Он уж, наверное, за
мною гонится.

АНЮТКА

Куда ж нам бежать?

ПАВЕЛ

Не знаю. Хоть куда, за Дон
или к раскольникам. Хоть
куда. Не отдам я тебя,
Анютка, баричу, слышишь, не
отдам.

АНЮТКА

Поймают нас, Павлуша. Ой,
поймают.

ПАВЕЛ

Не поймают. Ты только
собирайся скорей. Переплывем
на другую сторону,
обвенчаемся в Колотовке, а
там лесами. С Божьей помощью
дойдем как-нибудь.

АНЮТКА

Боюсь я, Пашенька. Засечет
он тебя. До смерти засечет.

ПАВЕЛ

Пусть засечет. Мне без тебя
все одно не жить.

Анна отстраняется от Павла, испуганно и недоверчиво
смотрит ему в лицо, в глаза.

ПАВЕЛ

Ну? Люблю я тебя, Анютка.
Понимаешь? Больше жизни
люблю.

Анна прижимается к Павлу всем телом.

АНЮТКА

Едем, родненький, едем, друг
мой сердечный.

МАТЬ АНЮТКИ

Ты, девка, куда собралась?!

В дверях стоит МАТЬ АННЫ, худая крестьянка лет сорока в сарафане и повойнике.

Анна бросается матери в ноги.

АНЮТКА

Отпусти меня, матушка.
Сказывают, барич грозит
меня на двор взять.

Мать смотрит на Павла, потом на дочь, по лицу которой текут слезы, снова на Павла.

МАТЬ АНЮТКИ

Подождите, я вам в дорогу
что-нибудь поесть соберу.

НАТ. ДЕРЕВНЯ БЕРЕСТОВКА. ДЕНЬ.

Павел и Анна на барском жеребце скачут по улице прочь от дома Касьяна.

У калитки стоит мать Анны, провожает их взглядом, испуганно оглядывается.

Голова любопытной соседки скрывается за плетнем.

Мать Анны оборачивается, но Павла и Анны уже простыл и след.

НАТ. ГУБЕРНИЯ. ВЕЧЕР.

Солнечный диск прячется за горизонтом, расцветивая красными сполохами белесое безоблачное небо.

Павел и Анна переплывают реку, держась за гриву коня. Выходят на берег, заросший густыми ивами. Скрываются в лесу.

Через некоторое время на противоположной стороне реки показывается погоня: граф М.П.Салтыков в сопровождении десяти дворовых. Они останавливаются на крутом берегу, оглядывают окрестности.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Жаль, борзых с собой не
взяли.

Прошка осматривает землю в поисках следов; видит отчетливые выбоины от лошадиных копыт.

ПРОШКА

Тут, тут, Михаил Петрович.
Тут они прошли!

Всадники смотрят на другой берег, где стеною стоит густой лес.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Прошка, ищи брод!

Преследователи спускаются к воде.

НАТ. ЛЕС. ВЕЧЕР.

Надвигается гроза: сильный ветер гудит в вышине, раскачивая макушки деревьев; сверкает молния.

По узкой тропинке, вьющейся между толстыми стволами и густым кустарником, Павел ведет под уздцы жеребца; рядом, вцепившись в подпругу, семенит усталая Анна.

Крупные капли начинают шлепать по листьям, идет дождь.

АНЮТКА

Павлуша, далеко еще?

ПАВЕЛ

Скоро уж. Скоро придем,
Анютка.

В кромешной темноте, изредка освещаемой блеском молний, Павел и Анна продолжают свой путь.

Наконец, впереди показываются тусклые огоньки деревни.

ПАВЕЛ

Вот и пришли.

АНЮТА

Что, Колотовка уже?

ПАВЕЛ

Она и есть.

АНЮТА

Ой, боязно мне, Павлуша,
сердечко так и колотится.

ПАВЕЛ

Ничего не бойся, Анютка. Тут
смелый поп живет, он
отчаянные свадьбы венчает.

НАТ. ДВОР ДОМА ОТЦА ВЛАДИМИРА. ВЕЧЕР.

Павел и Анна входят на широкое крыльцо. Стучат в дверь.
Никто не отпирает. Павел стучит еще раз.

За дверью слышно шуршание, и через несколько секунд на
пороге показывается пузатый ОТЕЦ ВЛАДИМИР, пожилой
священник в подряснике. За его спиной маячит дородная
ПОПАДЬЯ.

Павел и Анна бросаются попу в ноги.

ПАВЕЛ

Спасите, отец Владимир,
дайте обогреться.

Отец Владимир оглядывает гостей, смотрит на улицу, видит
привязанного у калитки коня.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

А что вы, светы мои, со
сносом или просто беглые?

ПАВЕЛ

Не воры мы, отец Владимир, а
графа Салтыкова крепостные.
Забрать он хочет невесту мою
нареченную к себе на двор.
Вот мы и убегли.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Понимаю, светы мои. Что же
от меня вам надобно?

ПАВЕЛ

Перевенчать, батюшка. С нами
свои деньги есть,
отблагодарим, как сможем. А
нет, так просто пустите
переночевать, а поутру мы
дальше пойдём.

Почесав в жидкой бороденке, поп кивает.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Отчего же не перевенчать?
Можно и перевенчать. Да, вы
проходите, светы мои, нечего
в дверях стоять.

ИНТ. ДОМ ОТЦА ВЛАДИМИРА. ВЕЧЕР.

Освещенная лучиной изба пятистенка: побеленные стены, вдоль которых аккуратно расставлены лавки и сундуки, такая же белая печь с трубой, в ближнем углу стоит большой стол, в дальнем висит большая и богатая икона с зажженной лампадой. Павел и Анна входят за попадьею и попом, крестятся на икону. Отец Владимир занимает место за столом.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

(попадье)

Старуха, что стоишь? Дай девице хоть свою рубашку да душегрейку. Не видишь, она промокла вся.

ПОПАДЬЯ

Пойдем, красавица.

Попадья берет Анну за руку и уводит ее в сени.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Ну что, свет мой, сколько же ты мне пожуешь?

ПАВЕЛ

Два червонца.

Павел лезет за пазуху, кладет на стол две монеты.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Ох, все бы ничего, но нехорошо, что вы графские. Мне тоже его лютоści боязно, хоть я и священнослужитель.

Отец Владимир смотрит на Павла, теревит бороду и несколько раз тяжело вздыхает.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Ну да уж пускай, все мы под Богом ходим. Ты, свет мой, прибавь еще лобанчик, а завтра я вас так и быть окрочу.

Павел снова лезет за пазуху; кладет на стол еще один червонец.

Отец Владимир пробует все три монеты на зуб, после чего каждую протирает полой подрясника.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Вот и хорошо, светы мои.

Входят попадья и Анна в наряде с чужого плеча.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Старуха, отведи их на
сеновал, пусть там
переночуют.

ПАВЕЛ

Спасибо вам, отец Владимир.
В век не забуду.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Ступайте, светы мои. И коня
не забудь на двор завести.
Тоже, чай, божья тварь.

ИНТ. СЕНОВАЛ. ВЕЧЕР.

Павел заводит жеребца в сарай, за ним входит Анна, попадья
остаётся в дверях.

ПОПАДЬЯ

Сидите тут тихо, не
безобразничайте. Чуть свет я
вас в церковь отведу.

АНЮТКА

Спасибо, матушка.

Попадья закрывает дверь сарая.

Анна бросается на шею Павлу.

АНЮТКА

Неужели случилось? Пашенька,
родненький мой. Неужели
убегли?

ПАВЕЛ

Случилось, голубка моя.
Теперь уж все хорошо будет.

Павел убирает с ее щеки, выбившиеся из-под платка волосы;
обнимает и крепко целует в губы.

Они лежат под самой крышей сарая, утопая в сене, ее голова
покоится на его груди. В прорехах прохудившейся соломенной
кровли видно чистое ночное небо. Павел и Анна смотрят на
редкие звезды и тонкий серп зарождающейся луны.

НАТ. ПШЕНИЧНОЕ ПОЛЕ. ДЕНЬ.

На голубом небосклоне высоко стоит жаркое солнце, заливая ярким светом неподвижное море золотистых колосьев.

Павел, голый по пояс, убирает хлеб. Он мерно размахивает косой. Его движения правильны и красивы.

С каким-то металлическим звуком острое лезвие косы, блестя против солнца, ловко подрезывает колосья, которые, описав полукруг, ложатся на сторону ровным рядом.

Павел делает еще несколько взмахов, прерывается, отирает со лба пот; оглядывается.

Сзади, у связанных снопов стоит Анна в белой рубахе и красном сарафане, у нее в ногах играет маленький белокурый МАЛЬЧИК.

Павел откладывает косу в сторону и идет к семье.

Анна протягивает супругу кувшин с молоком, Павел берет его обеими руками, пьет.

Анна с ребенком на руках смотрит на пьющего Павла.

Несколько густых белых капель застревают в его русой бороде, потом скапывают на загорелую грудь; одна, вторая.

ИНТ. СЕНОВАЛ. УТРО.

Павла и Анну окатывают водой. Они просыпаются, вскакивают на ноги, Анна испуганно прячется за спину Павла.

Вокруг них стоят несколько дворовых графа М.П.Салтыкова во главе с Прошкой.

ПРОШКА

Попались, развратники!

Прошка хватает Анну за руку.

ПАВЕЛ

Не замай!

Вне себя от гнева одним ударом он сталкивает Прошку вниз.

В дверях сарая стоит сам молодой граф Салтыков, за его спиной маячат отец Владимир и попадья.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Хватай его, болваны! Засеку!

Один из дворовых со всей силы бьет Павла дубиной. Завязывается драка: Павел откидывает одного, другой прыгает ему на спину, третий хватает за ноги; кто-то оттаскивает за волосы Анну и скидывает ее под ноги графа Салтыкова.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Вяжи разбойника, вяжи! В
кандалы его! Засеку!

Павел некоторое время сопротивляется, раздавая тумаки направо и налево, но скоро его силы ослабевают; втроем дворовые наваливаются на него, бьют, не разбирая куда, вяжут ему ноги веревкой.

НАТ. ДВОР ДОМА ОТЦА ВЛАДИМИРА. УТРО.

Прошка перекидывает голосающую Анну через спину коня, не забывая охаживать ее по спине кулаком. Тут же стоит попадья.

АНЮТКА

Павлуша! Павлушенька, супруг
ты мой нареченный!

ПОПАДЬЯ

Покорись, касатка. Вы люди
графские, Богом ему
даденные. Негоже от хозяина
бегать.

Анна плюет ей в лицо.

ПОПАДЬЯ

Люди добрые, посмотрите, что
делается! Ах ты, стерва!

Попадья бьет Анну по голове костяшками пальцев.

Из сарая вприпрыжку выбегает отец Владимир.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Светы мои, это что же такое?
За что же супруге моей
поругание?

Появляется граф М.П.Салтыков.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

В чулочницы мерзавку. Под
замок! И смотри у меня,
Прошка, лицо ей не попорть,
да волосы сильно не рви.

Дворовые люди под руки выводят из сарая скрученного Павла. Его лицо залито кровью.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Бунтовать вздумал? Да я тебя, холоп!

Молодой граф хватает Павла за бороду и вырывает клоч вместе с кожей.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Запорю! На смерть, собака, запорю! На конюшню разбойника!

Дворовые тащат Павла к лошадям.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Михаил Петрович, свет мой, не бери ты грех на душу. Ты лучше его в солдаты сдай. Сегодня в провинции рекрутов добирают, вот и отправь его по добру, по здорову. А там, на все Божья воля.

Поп крестится, закатив глаза к небу.

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Больно сердобольный ты, отец Владимир.

ОТЕЦ ВЛАДИМИР

Истинно сказано в Писании: «Возлюби ближнего, как самого себя».

ГРАФ М.П.САЛТЫКОВ

Ладно, будь по-твоему, отец Владимир.

(кричит дворовым)

Стой, болваны! Стой, дармоеды! Тащите его к старосте! В рекрутский комитет его, в солдаты!

(отцу Владимиру)

Деньги за него сам получишь.

НАТ. УЕЗДНЫЙ ГОРОД. ДЕНЬ.

Перед одноэтажным зданием рекрутского комитета, охраняемого суровым часовым с ружьем, толпятся крестьяне: мужики разного возраста, их жены и матери. Вцепившись в своего сына, голосит старуха: «Любезное мое дитяtko, на

кого ты меня покидаешь?! Кому поручаешь дом родительский? Кто согреет мою дряхлость от холода, кто напоит меня и накормит? Кто придет вспомнить меня над могилою?»

Тут же стоят несколько телег и повозок, в которых сидят связанные по рукам рекруты; среди них виден и Павел в сопровождении одного из дворовых графа Салтыкова.

ИНТ. РЕКРУТСКИЙ КОМИТЕТ. ДЕНЬ.

В сенях, за столом заваленным бумагами, трудятся, скрипя длинными перьями, два ПИСАРЯ в лоснящихся кафтанах. За другим столом сидит толстый краснощекий ЛЕКАРЬ в бархатном сюртуке.

Перед ним топчется СОФРОН, маленький чрезвычайно тощий мужичонка в рубахе и латаных портах; рядом с ним стоит дюжий солдат.

ПЕРВЫЙ ПИСАРЬ

Софрон Мартынович Архипов,
год рождения одна тысяча
семьсот семьдесят второй от
рождества Христова,
назначается в рекруты не по
очереди, а единственно за
проживание в степных местах
с развратным поведением и не
посылом в оброк денег.
Ленив, не воздержан в вине.

Лекарь без удовольствия оглядывает тщедушного Софрона, не достающего солдату и до плеча.

ЛЕКАРЬ

Затылок!

При этих словах лицо Софрона светлеет, он чуть не подпрыгивает от радости.

СОФРОН

Премного благодарствую, ваше
благородие, премного
благодарствую, по гроб жизни
не забуду.

Софрон получает затрещину и умолкает; солдат выводит его в соседнюю комнату.

Другой солдат вталкивает в сени Павла, у которого все еще связаны руки за спиной; подводит его к столу лекаря.

ЛЕКАРЬ

Что это у него с мордой?

СОЛДАТ

Не могу знать, такого
привезли.

Лекарь кивает.

ПЕРВЫЙ ПИСАРЬ

Ермолаев Павел Ефремович,
года рождения тысяча семьсот
семьдесят пятого от
рождества Христова,
назначается в рекруты по
неповиновению своему хозяину
и худому поведению.

ЛЕКАРЬ

Лоб!

Павел поводит плечами, надеясь освободиться от пут; хочет
кинуться к лекарю, но солдат валит его с ног, прижимая
коленом к дощатому полу.

ЛЕКАРЬ

Лоб! Лоб! Да свяжи его
покрепче, чтобы не убежал!
Бунтовать задумал?! Не
выйдет, скотина!

НАТ. ГУБЕРНИЯ. ДЕНЬ.

По дороге под охраной команды из унтер-офицера и
нескольких вооруженных солдат медленно бредет колонна
рекрутов с выбритыми лбами; у Павла и еще нескольких
человек на руках и ногах кандалы, которые позвякивают при
каждом шаге.

По пути им попадаются телеги крестьян груженные сеном или
мешками; мужики сдают на обочину, чтобы пропустить
служивых людей; смотрят на них с сочувствием; суют в руки
рекрутов нехитрую снедь: ржаную горбушку, луковицу или
репку.

ПАВЕЛ (З.К.)

Я, Емельянов Павел Ефимович,
 обязуюсь и клянусь
 Всемогущим Богом перед
 Святым Его Евангелием в том,
 что хочу и должен Его
 Императорскому Величеству,
 своему истинному и
 природному Великому Государю
 Императору Самодержцу
 Всероссийскому, и Его
 Императорскому Величеству
 законному Всероссийского
 престола наследнику, который
 назначен будет, верно и
 нелицемерно служить.

НАТ. ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД. ДЕНЬ.

На плацу, перед белым зданием двухэтажной казармы стоит шеренга мушкетеров в новенькой униформе: черные треуголки, светло-зеленые мундиры с красными воротниками, обшлагами и лацканами перетянуты белыми портупеей и перевязью, белые штаны с обтяжными пуговицами прикрывают черные сапоги. Блестят на солнце примкнутые к ружьям штыки.

ПАВЕЛ (З.К.)

И во всем повиноваться, не
 щадя живота своего, до
 последней капли крови. И
 все, к высокому Его
 Императорского Величества
 Самодержца силе и власти
 принадлежащие права и
 преимущества, узаконенные по
 крайнему разумению,
 предостерегать и оберегать,
 и при том стараться и
 способствовать всему, что к
 Его Императорскому
 Величеству верной службе и
 пользе Государственной во
 всяких случаях касаться
 может.

На плацу свежеиспеченные солдаты под командой ИВАНА АНДРЕЕВИЧА, пожилого унтер-офицера выполняют строевые приемы. Они выстраиваются по ранжиру, после чего Иван Андреевич обходит строй, придирчиво оглядывая каждого рекрута: одному он тычет кулаком в выпяченный живот, другому задирает опущенную голову; слышные его окрики: «Подбери пузо, нюхало подыми, не шевелись, дурак!»

ПАВЕЛ (З.К.)

Об ущербе же Его Величества
интереса, вреде и убытке,
как скоро о том проведая, не
только благовременно
объявлять, но и всякими
мерами отвращать и не
допускать, и всякую мне
вверенную тайность крепко
хранить буду, и поверенный и
положенный мне чин,
определенный от времени и до
времени Его Императорского
Величества именем, от
предустановленных надо мной
начальников, определяемым
инструкциями, регламентом и
Указами, надлежащим образом
по совести своей исправлять.

Шеренга, откликаясь на команды унтер-офицера, поворачивает
«на право», «во фронт», «на лево», «кругом».

Репетируя движения, мушкетеры медленно маршируют по
периметру плаца. Они высоко поднимают правую ногу, вытянув
носок, и по несколько секунд стоят в одном положении,
после чего высоко задирают левую ногу. В это же время
получают подзатыльники и тычки за неверно выполненные
команды.

ПАВЕЛ (З.К.)

И для своей корысти, дружбы
и вражды против должности
своей и присяги, как верному
Его Императорскому
Величества подданному
благопристойно есть и
надлежит, и как я перед
Богом и судом Его страшным в
том ответ всегда дать могу,
так пусть мне Господь Бог
душевно и телесно поможет.

Мушкетеры выполняют приемы с ружьем; надсадным голосом
орет Иван Андреевич: «К ноге, на плечо, на руку, положи
ружье!» Нерасторопным новобранцам унтер-офицер раздает
зуботычины, и все начинается заново: «на караул, от дождя,
обороты ружье».

ПАВЕЛ (З.К.)

В заключение же сей моей
клятвы целую Слова и Крест
Спасителя моего. Аминь.

На плацу перед белым зданием двухэтажной казармы замирает шеренга мушкетеров в новенькой униформе.

Иван Андреевич придирчиво оглядывает солдат, довольный результатом подкручивает свой седой ус, потом вытягивается в струнку сам.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ

Вольно! По покоям! Марш!

Солдаты расходятся; создают скопление у дверей казармы, над которой заходит розовое солнце.

ИНТ. ПОЛКОВАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ. ВЕЧЕР.

Одинокая свеча освещает небольшое помещение, обставленное шкафами. За длинным столом сидит полковой писарь МАКАР НИКИТИЧ, плешивый, скошенный на правый бок мужчина лет пятидесяти в поношенном солдатском кафтане; он что-то пишет, время от времени опуская гусиное перо в чернильницу.

В дверях появляется Павел.

ПАВЕЛ

(вытянувшись)

Солдат первой мушкетерской роты Павел Емельянов.

Писарь отрывается от работы.

МАКАР НИКИТИЧ

Чего тебе?

Павел переминается с ноги на ногу, не решаясь ни войти, ни произнести слова.

МАКАР НИКИТИЧ

Ну! Чего тебе? Не видишь, я при деле?

ПАВЕЛ

Извиняюсь беспокоить вас, Макара Никитич, мне бы письмо написать. Уж я вас отблагодарю, вы не сомневайтесь.

Павел подходит к столу, достает из-за пазухи узелок с деньгами, развязывает его и протягивает писарю монету.

Макар Никитич пробует ее на зуб и прячет в карман.

МАКАР НИКИТИЧ

Да ты, сядь, в ногах правды нет. Возьми там табуретку.

ПАВЕЛ

Чего?

МАКАР НИКИТИЧ

Лавку маленькую видишь? Вот это табуретка и есть.

Павел берет у стены маленькую, грубо сколоченную скамеечку и усаживается напротив писаря, снимает с головы треуголку.

Тем временем, Макар Никитич достает чистый лист бумаги, разглаживает его.

МАКАР НИКИТИЧ

Ну! Говори адрес.

ПАВЕЛ

Чего?

МАКАР НИКИТИЧ

Чего. Адрес, говорю. Куда писать, дурья твоя голова? Ты, сам-то откуда?

ПАВЕЛ

Графа Салтыкова крепостные мы, деревня Берестовка, Калужской губернии.

Писарь макает в чернила перо; скоро выводит на бумаге: «Калужская губерния, деревня Берестовка».

МАКАР НИКИТИЧ

Кому писать?

ПАВЕЛ

Родителю моему, Ермолаеву Ефрему Павловичу.

Писарь скрипит пером.

МАКАР НИКИТИЧ

Ну? Что дальше?

ПАВЕЛ

Вы, Макар Никитич, напишите родителю, что сын его жив, мол, и здоров, и шлет ему свой низкий поклон.

Под уже выведенными строками писарь продолжает: «Кланяется вам сын ваш Павел Ефимович».

ПАВЕЛ

Еще, Макар Никитич,
напишите, где я ноне
нахожусь, в каком городе, и
в каком полку. И жду, мол,
от него известий с
нетерпением.

Макар Никитич пишет.

Павел с почтением смотрит на «ученого человека», который ровным почерком, строчка за строчкой, покрывает бумагу текстом.

МАКАР НИКИТИЧ

Все что ль?

ПАВЕЛ

Кажется, стало быть, все.

Поставив точку, писарь берет песочницу и присыпает песком лист.

МАКАР НИКИТИЧ

Вот и сладили.

ПАВЕЛ

Премного благодарствую,
Макар Никитич. Дай вам Бог
здоровья.

Павел встает, но почти сразу же садится. Он с секунду, другую раздумывает и снова встает, собираясь уйти. И опять садится, тербит подбородок, чешет в затылке и снова тербит подбородок.

МАКАР НИКИТИЧ

Позабыл чего?

ПАВЕЛ

Макар Никитич, мне бы еще.

Павел смотрит на насмешливое лицо писаря и тогда все-таки встает.

ПАВЕЛ

Премного благодарствую,
Макар Никитич. Дай вам Бог
здоровья.

Павел медленно идет к двери.

Писарь провожает его взглядом и когда Павел, наконец, выходит вон возвращается к работе: сдувает и стряхивает песок с бумаги, начинает ее прилежно складывать.

ПАВЕЛ

Макар Никитич.

Писарь вздрагивает.

МАКАР НИКИТИЧ

Чего тебе, черт тебя возьми.
Аж напугал. Господи, прости
нас грешных и грехи наши.

Писарь трижды осеняет себя крестом.

ПАВЕЛ

Макар Никитич, я это того.
Я. Макар Никитич, я это.

МАКАР НИКИТИЧ

Да говори скорей, чего ты
мычишь?

ПАВЕЛ

Я. Я это того. Мне бы
грамоте научиться. Уж за
мною не станете, можете не
сомневаться. Я уж вас, Макар
Никитич, отблагодарю, как
отца родного.

Павел подходит к столу, кладет перед писарем узелок с денежкой.

МАКАР НИКИТИЧ

Убери.

ПАВЕЛ

Уж не откажите, Макар
Никитич, сделайте милость.

МАКАР НИКИТИЧ

Убери, говорю тебе. Будет с
тебя и копейка за урок.

ПАВЕЛ

Чего?

МАКАР НИКИТИЧ

Чего. Урок, дурья твоя
башка. Так и быть, научу
тебя грамоте, коли нужда
есть. В четверг ввечеру
приходи.

НАТ. ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД. ДЕНЬ.

На окраине, за которой простираются поля и леса, в будке у опущенного шлагбаума, опершись на ружье, стоит на часах Павел.

Павел смотрит на «волю», на пылящую по дороге кибитку.

ПАВЕЛ

(шепчет себе под нос)

«Азь, буки, веди, глаголь,
добро, есть, живете, земля,
иже, и, како, люди, мыслите,
наш, он, покой, рцы, слово,
твердо, у, ферть, херь, цы,
червь, ша, ща, ерь, еры,
ерь, ять, э, ю, я. Азь,
буки, веди, азь, азь, Анна,
Аннушка, Анютка».

Кибитка постепенно превращается в маленькую незаметную глазу точку.

Павел закрывает глаза.

ИНТ. СЕНОВАЛ. ВЕЧЕР.

Павел и Анна лежат на сене; он целует ее в губы, гладит ее лицо.

Анна улыбается Павлу, ловит его ладонь, прижимает ее к щеке, к губам, потом обнимает его самого, всего целиком.

Руки Павла скользят по телу Анны.

Павел и Анна переворачиваются и утопают в сене.

НАТ. ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД. ДЕНЬ.

Титр:

Царствование Императора Павла 1-го. 1798 год

Моросит мелкий дождик. На окраине, за которой простираются поля и леса, в будке у опущенного шлагбаума, опершись на ружье, дремлет на часах Павел; на нем новая униформа, скроенная по прусскому образцу и белый парик с буклями.

На дороге показывается всадник, который мчится во весь опор по направлению к городу. Слышен крик: «Дорогу фельдъегерю Его Императорского Величества!»

Павел открывает глаза, выходит из будки, поднимает шлагбаум и берет на караул.

ТЕКСТ УКАЗА (З.К.)

Его Императорского
Величества высочайший указ.

НАТ. ГУБЕРНИЯ. ВЕЧЕР.

Красное солнце тянется к горизонту, озаряя чистое небо ровным бледно розовым светом. По дорогам маршируют колонны солдат, рядом следуют офицеры на конях; за колоннами тянутся артиллерийские повозки и обозы.

ТЕКСТ УКАЗА (З.К.)

Исполняя наши союзнические обязательства к императору Священной Римской империи, эрцгерцогу Австрийскому, королю Англии и Шотландии, королю Неапольскому, королю Швеции, а также султану Османской империи, повелеваю снарядить армию для отправки оной вне пределов государства Российского с тем, чтобы действительнейшими мерами положить предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие.

В составе своей роты шагает и Павел; рядом идет ТИМОФЕЙ, худой веселый солдат с живыми карими глазами и Иван Андреевич.

ТИМОФЕЙ

Паш, а Паш, а где эта самая Франция?

ПАВЕЛ

Я почем знаю?

ТИМОФЕЙ

Должно быть далеко. Уж вторую неделю без продыха топаем, а все никак не дойдем. Да-а, и что нам за надобность в этой самой Франции? А, Паш?

Иван Андреевич толкает Тимофея в бок.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ

Молчи, балаболка. Наше дело солдатское: получил приказ, так исполняй. А думать, так на то их благородия поставлены.

ТИМОФЕЙ

Я ничего, Иван Андреевич. Скучно просто. Уж сколько идем, а все никакой Франции не видно. Где хоть она, вы случаем не знаете?

ИВАН АНДРЕЕВИЧ

Знамо, не близко. Сперва будет шляхта, потом неметчина, а уж опосля Франция.

Длинные плотные колонны солдат и обозов бесконечным потоком тянутся по дорогам.

НАТ. ПРЕДМЕСТЬЕ ЦЮРИХА. УТРО.

Титр:

Швейцария. Предместья Цюриха. Сентябрь 1799 года

Светает. Неподалеку от небольшой каменной фермы разбит русский полевой лагерь: несколько сотен серых палаток, полевая кухня и навес для лошадей. По периметру лагеря расставлена цепь охранения.

У одной из палаток, за низким грубо сколоченным столом сидит Павел.

Обломанным пером он неуверенно выводит на листе бумаги буквы: «Деревня Берестовка, Анне Касьяновне Смолиной».

Из-за соседней палатки показывается лицо Тимофея, оглядевшись по сторонам, он быстро бросается к Павлу и садится рядом с ним на ящик, как ни в чем не бывало.

ПАВЕЛ

Тимоха, ты что ли?

ТИМОФЕЙ

Тише ты, дядьку разбудишь.

ПАВЕЛ

Все шляешься незнамо где.
Гляди, прогонят сквозь
строй.

ТИМОФЕЙ

Бог не выдаст, свинья не
съест.

Тимофей потягивается и зевает, смотрит на лист бумаги.

ТИМОФЕЙ

А ты, Паш, все пишешь. Опять
своей ненаглядной?

ПАВЕЛ

Не твоего ума дело. Язык без
костей. Спать лучше иди.

ТИМОФЕЙ

Какое там, скоро зарю
пробьют. Я лучше с тобой
посижу, а то потом не
проснусь.

ПАВЕЛ

Тогда не мешай.

Павел обмакивает отгрызок пера в маленькую скляночку с чернилами и продолжает буква за буквой выводить: «Пишет вам жених ваш нареченный Ермолаев Павел Ефремович».

ТИМОФЕЙ

А хорошо у них тут, ладно
все сделано, с
аккуратностью. Чисто так,
даже плюнуть негде. И дочка
у местного хозяина, ух,
бойкая.

Видно, что Тимофею не терпится поговорить.

Но сосредоточенный на письме Павел продолжает выводить буквы.

ТИМОФЕЙ

Пашка, а уж как она пахнет.
Лучше нашей барыни. Паш,
слышь. Приглянулась она мне.
Мартой зовут. По-нашему
Марфа будет. Паш, слышь, я
вот что думаю.

Тимофей толкает Павла в бок.

Чернильная капля оказывается на бумаге.

Павел быстро зачерпывает песок под ногами и высыпает
горсть на бумагу.

ПАВЕЛ

Тьфу ты, говорят тебе, не
мешай. Не видишь, чернила.

ТИМОФЕЙ

Паш, я думаю остаться тут.

ПАВЕЛ

Как так?

ТИМОФЕЙ

Да просто. Побьем француза,
а когда назад пойдём, я и
дам деру. Обженюсь с Марфой,
документ справлю и буду жить
тут. Хозяин-то, батя ее, уже
старый весь, а им теперь без
рук совсем нельзя. Война. А
ведь я, Паш, и кузнечное
дело знаю, и по кухне могу.
Меня барыня везде по
необходимости пользовала. Я
даже сапожному делу учился.

ПАВЕЛ

Дурень, как ты со своей
Марфой говорить будешь?

ТИМОФЕЙ

Не дурнее тебя. Ты вон
писать выучился, и я смогу.
Я уже несколько немецких
слов знаю: герр – это, как
наш барин, фрау – это
барыня, фатер – отец, шён –
красивая. Шён. Эх, Паш,
шибко мне Марфа по сердцу
пришлась. Такая она шён.

ПАВЕЛ

Не болтай, Тимоха. Как же ты обвенчаешься, если у них вера другая?

ТИМОФЕЙ

А что вера? Поди, не басурмане какие-нибудь. На Марфе тоже крест есть, я сам видел. А намедни зашел в их церковь.

ПАВЕЛ

Ты что?

ТИМОФЕЙ

А что? Я с Марфой на их службе в соборе был. Так, любопытства ради.

ПАВЕЛ

Ну?

ТИМОФЕЙ

Ничего. Нормально. Бедно у них, это есть, совсем неприметно – голые стены одни, даже без побелки, а так, то же распятие с Христом, просфоры, вино, то есть, кровь Христова. Все как у нас.

Из палатки напротив выходит солдат в исподнем, щурится, уходит в сторону.

Тимофей смотрит ему вслед.

ТИМОФЕЙ

Ты, Паш, только никому, слышь, не выдай меня.

ПАВЕЛ

Не бойся, не выдам. Ты сам поменьше языком мели.

ТИМОФЕЙ

Я только тебе, больше никому. Я все, молчу.

Тимофей оглядывается.

ПАВЕЛ

Вот и молчи, дай закончить.

Павел смахивает песок с листа, сдувает оставшиеся песчинки; опускает отгрызок пера в склянку с чернилами и продолжает царапать на бумаге: «Ненаглядная моя Анна Касьяновна, по государеву приказу и с Божьей помощью прибыл наш полк под город Цюрих».

Над лагерем поднимается солнце. Звучит барабанный бой, бьют зарю. Как только барабан умолкает, лагерь оживает и наполняется людским гомоном.

Солдаты и офицеры выходят из палаток. Унтер-офицеры окриками и тычками подгоняют нерасторопных мушкетеров.

Кашевары разжигают костры под большими артельными котлами.

Возницы наполняют ясли овсом, покрикивая на нетерпеливых коней. Вдруг откуда-то доносится: «Французы! Французы!»

В лагерь влетает ВЕСТОВОЙ, скачет вдоль линии палаток; осаживает коня у большой офицерской палатки, из которой выходит полковник КРЫЛОВ, коренастый мужчина лет сорока пяти.

Вестовой отдает Крылову честь, протягивает депешу.

ВЕСТОВОЙ

Французы переправились у
Дитикона. Корпуса Маркова и
Сакена отступают.

С этими словами вестовой прищпоривает коня и пускает его в галоп.

Крылов разворачивает приказ, быстро читает. Вокруг него собираются офицеры.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ

Горнист, труби «к бою»!
Господа офицеры, выдать
солдатам по чарке водки.
Через двадцать минут
выступаем на позицию.

Офицеры бросаются выполнять приказ. В лагере звучит горн, бьют барабаны.

Знаменосец расчехляет полковое знамя.

НАТ. ДОЛИНА РЕКИ ЗИЛЬ. ДЕНЬ.

Титр:

Сражение при Цюрихе. 25 сентября 1799 года

Под барабанный бой на равнине выстраиваются в боевой порядок русские батальоны.

На возвышенностях синеют линии французов.

Рота Павла занимает позицию в пятидесяти метрах позади гренадеров. Согласно росту Иван Андреевич, Тимофей и сам Павел находятся в первой шеренге.

Справа и слева выстраиваются мушкетеры других рот. Отовсюду доносятся команды: «Курок на взвод! Вынь патрон! Скуси! Сыпь порох на полку! Патрон в дуло!»

Спешенные офицеры с обнаженными шпагами занимают места на флангах колонн.

Позади полка гарцует на коне полковник Крылов.

Павел заряжает ружье; вглядывается вдаль.

На возвышенностях стоят французские пехотинцы под трехцветными флагами; чуть правее французские канониры наводят батарею на русские позиции; еще правее река, за которой, судя по пороховому дыму, идет бой. Слышны команды: «Рота вперед! Марш!»

Одна за другой роты мушкетеров начинают движение в направлении врага.

Идущий рядом с Павлом Тимофей оглядывается назад, пытаясь разглядеть здание фермы.

ПАВЕЛ

Тимоха, чего вертишься?!
Француз, он там, впереди.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ

Он, верно, боится в штаны
наложить от страха. Вот и
ищет, куда бы отбежать.

Солдаты смеются, кто-то кричит: «Клади прямо тут, пока французы не видят! Чего стесняться!»

Русские войска под барабанный бой приближаются к позициям французов. Полковник Крылов равняется с первой ротой.

Раздаются выстрелы орудий, ползут вверх облака порохового дыма.

Несколько ядер пролетает над головами мушкетеров. Павел, Тимофей и еще несколько солдат пригибаются.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ

Идти прямо! Кто там
кланяется?!

ИВАН АНДРЕЕВИЧ

Рекруты, ваше благородие.
Необстрелянные еще.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ

Болваны, голову не нагибать!

Французская батарея снова стреляет.

Несколько ядер попадают в гренадерские шеренги, вырывая из них солдат. Орут раненые. Их крики и стоны заглушают команды офицеров. «Сомкнуть строй!»

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ

Гренадеры, вперед марш!
Марш! Марш! Мушкетеры,
первая, вторая роты, вперед
марш! Марш! Марш!

Рота мушкетеров, ошетилившись штыками, двигается вперед. Павел переступает через убитого гренадера.

Еще один залп французских орудий.

Еще несколько гренадеров остаются лежать на земле.

Шеренги русских солдат быстрым шагом надвигаются на противника.

Уже можно различить лица французских пехотинцев, ожидающих приближения русских.

И снова залп французских орудий делает прорехи в гренадерском строю. Снова крики раненых. Снова слышна команда «сомкнуть строй!».

Справа, гикая, вдруг выскакивают казаки с пиками наперевес, несутся во весь опор на французскую батарею. Слышны довольные возгласы гренадеров и следующих за ними мушкетеров: «Сейчас казачки им покажут кузькину мать!»

Грохочут французские пушки. Слышны крики раненых и ржанье казацких лошадей. Пороховой дым застилает поле битвы.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ

Вперед! Марш! Марш!

Павел с товарищами все ближе и ближе к противнику. Уже слышна гортанная французская речь. Видно, как они прицеливаются. Раздаются ружейные выстрелы и от роты

бегущих впереди гренадеров остаются лишь половина личного состава. Уцелевшие быстро отбегают назад, за мушкетерский строй.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ
Рота стой! Изготовься! Пали!

Рота Павла останавливается и стреляет.

Во вражеской шеренге падает с десятков солдат.

Русские мушкетеры начинают перезаряжать ружья.

Раздается картечный залп французской батареи.

Видно, что атака казаков захлебнулась. Выжившие бегут прочь на своих двоих. Мечутся испуганные кони.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ
Рота изготовься! Пали!

Мушкетеры стреляют.

Русские пули выкашивают первую шеренгу французов, но место убитых тут же занимают другие солдаты врага.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ
В штыки! Вперед марш!

Французская линия стреляет.

Дюжина русских мушкетеров остается на земле, не успевая сойти с места. Среди них Иван Андреевич, у которого окровавлена грудь.

Тимофей бросается к нему; оттаскивает в сторону стонущего дядьку.

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ
Вперед! Куда?! Стоять!
Держать строй! Вперед,
вперед!

Очередной залп французских пушек.

Ядра пролетают над головами мушкетеров. Одно из них убивает возвышающегося над строем полковника Крылова.

Французская пехота вдруг сама бросается в штыковую атаку. Французы переходят на бег и через каких-то несколько секунд врезаются в то, что осталось от роты русских мушкетеров.

Павел отбивает удар штыка, колет сам, промахивается.

Француз снова делает выпад, задевая руку Павла.

Павел, не обращая внимания на боль, вторым ударом попадает врагу в живот. Француз хватается обеими руками ружье Павла и падает, увлекая того с собой. Павел бросает оружие.

В этот момент другой француз бьет его штыком.

Павел успевает отпрыгнуть и вытащить из ножен тесак.

Француз преследует его. Делает несколько выпадов.

Павел отбивается тесаком, который после очередного удара ломается. Павел хватается с земли ружье, как оглоблей, бьет им наотмашь француза и сносит того с ног. Тут же бьет другого, отгоняя его от упавшего товарища.

Не выдерживая натиска противника, русские мушкетеры начинают пятиться назад.

Откуда ни возьмись, появляется молоденький ПОРУЧИК в окровавленном мундире.

ПОРУЧИК МУШКЕТЕРОВ

Первая рота, держать строй!

Французы быстро перестраиваются. Видно, как за спиной первой колонной появляется вторая.

Русские роты отступают и попадают под ядра французских пушек, оставляя убитых и раненых на поле боя.

Под гром барабанов французская пехота идет на русских. На возвышенности появляется третья колонна в синей униформе.

ПОРУЧИК МУШКЕТЕРОВ

Первая рота стой! Кругом!
Изготовься! Пали!

Павел и его товарищи стреляют.

Сквозь пороховой дым видно, как редуют шеренги французов, которые, тем не менее, не останавливаются, а продолжают атаковать, поддерживаемые артиллерией.

Разрываются французские бомбы, разрушая фланг мушкетерской роты. Крики и выстрелы смешиваются и становятся общим шумом.

ПОРУЧИК МУШКЕТЕРОВ

Держать строй!

Павел дрожащими руками заряжает ружье. Рядом с ним падает убитый товарищ, второй.

ПОРУЧИК МУШКЕТЕРОВ

Первая рота изготовься!

Пали!

Русские мушкетеры стреляют.

Несколько французских солдат остаются на поле брани. Их товарищи, не обращая внимания на потери, идут вперед, останавливаются и стреляют.

Рота Павла редет на глазах.

ПОРУЧИК МУШКЕТЕРОВ

Первая рота изготовься!

Пали!

Пуля пробивает поручику голову, он падает.

Русские мушкетеры стреляют в разную сторону и бегут.

Грохочут французские пушки.

Рвутся бомбы, уничтожая драпающую русскую пехоту.

Павел бежит вместе со всеми, рядом с ним падают сраженные вражеским огнем однополчане; бросается к Тимофею, который тащит в тыл израненного Ивана Андреевича.

ПАВЕЛ

Тимоха, давай, помогу!

Павел и Тимофей хватают Ивана Андреевича под руки и бегом волочат его подальше от взрывов и выстрелов. За их спинами слышны команды на французском и следом общий залп. Снова вокруг падают их однополчане, настигнутые выстрелами в спину. Снова раздается свист пущенных французами ядер, которые настигают отступающих, пробивая бреши в толпе бегущих солдат; бегут все: остатки батальонов гренадер, мушкетеры, егеря и потерявшие своих лошадей казаки.

Внезапно рядом с Павлом и Тимофеем разрывается бомба.

Павел еще несколько метров тащит останки Ивана Андреевича, останавливается, смотрит на изуродованный кусок тела унтер-офицера, дядьки Ивана Андреевича; выпускает его из рук. Видит свои покрытые кровью ладони.

Истошные вопли Тимофея и бой французских барабанов приводят Павла в себя, он оглядывается.

Тимофей орет благим матом – у него больше нет правой ноги.

Павел кидается к другу.

ПАВЕЛ

Потерпи, Тимох. Потерпи.
Сейчас я тебя в лазарет
снесу. Ты только потерпи.
Бог терпел, и нам велел.

ТИМОФЕЙ

Паш, беги сам. Ты только
Марфе моей скажи, что я вот.

ПАВЕЛ

Ты только не голоси громко,
я не люблю, когда на ухо.

Павел взваливает Тимофея на спину, как мешок, и устремляется за бегущим к Цюриху русским войском.

Под барабанный бой синие шеренги французов продвигаются вперед, сметая все на своем пути.

Павел, не оглядываясь, несется по полю боя, перескакивая через раненых и через трупы.

Он видит, как справа от него в толпу бегущего русского полка врзаются французские драгуны, и бросается влево. Бежит.

Со стороны Цюриха начинает бить русская артиллерия. Дым и грохот.

Павел, наконец, добегают до предместий города.

Батальон русских гренадеров занимает позицию между разноцветными домиками с черепичными крышами.

Стреляет русская батарея.

Русские ядра попадают в цель, заставляя французов сузить свои шеренги, но несмотря ни на что, под барабанный бой и бодрые звуки флейт солдаты в синей униформе продолжают наступать.

Павел с Тимофеем на плечах добирается до позиции гренадеров. Ему на помощь выбегают два солдата.

Снова стреляют французские пушки; пущенные ядра разбивают стены домов и настигают русскую пехоту. За спиной Павла разрывается бомба.

Павел падает; взрывом отбрасывает и гренадеров.

Звучат барабаны французской армии и гортанные голоса, выкрикивающие команды, ружейные выстрелы. Пороховой дым

застилает поле боя, поднимается ввысь, заволакивая крыши домов, небо и солнце.

НАТ. ГУБЕРНИЯ. ДЕНЬ.

На голубом небосклоне высоко стоит жаркое солнце.

Взявшись за руки, по дороге идут Павел с косой на плече, маленький мальчик и Анна.

Павел смотрит на спокойное, умиротворенное лицо задумавшейся Анны.

Мальчик дергает Павла за руку.

ИНТ. МОНАСТЫРСКАЯ ТРАПЕЗНАЯ. ВЕЧЕР.

Пламя нескольких факелов и жаровен освещает просторное помещение, заставленное кроватями, на которых лежат раненые солдаты. Среди них виден Павел, накрытый серой шинелью. Рядом стоит АНТИП, русских драгун с перевязанной головой, он осторожно трясет Павла за плечо.

Павел открывает глаза, прислушивается к негромким голосам. Звучит французская речь.

Антип делает еще одну попытку.

Павел с трудом поднимается, все его туловище обмотано окровавленными бинтами.

АНТИП

Живой. Молодец. Видишь-ка,
выжил все-таки. Эй, Санька!

В трех кроватях от Павла лежит молодой драгун Санька; из-под шинели показывается его рябое лицо.

САНЬКА

Чего?

АНТИП

Живой он. Что я тебе
говорил? Гони монету! Живой
наш мушкетер. Не будешь
впредь спорить.

Антип идет к Саньке.

Павел садится на кровати, вставляет похудевшие ноги в сапоги, встает, накидывает на плечи шинель.

АНТИП

Куда ты? Может, помочь?

Павел качает головой, неуверенной походкой направляется к выходу. По дороге ему что-то приветливо говорит молодой французский солдат, греющийся у жаровни.

НАТ. ТЕРРИТОРИЯ МОНАСТЫРЯ. ВЕЧЕР.

У входа в трапезную, над которым развевается французский трехцветный флаг, кутается в плащ стоящий на часах вооруженный пехотинец. Павел выходит во двор, не обращая внимания на часового; тот идет за Павлом, останавливает его.

ЧАСОВОЙ

(на французском)

Эй, ты куда?

ПАВЕЛ

Что? Я не понимаю.

ЧАСОВОЙ

(на французском)

А-а, ты русский. Русский?

ПАВЕЛ

(кивая)

Рус. Русский.

ЧАСОВОЙ

(на французском)

Воздухом вышел подышать?

Павел пожимает плечами и качает головой.

Часовой улыбается, хлопает Павла по плечу.

ЧАСОВОЙ

(на французском)

Вы, русские, храбрые ребята, отлично сражаетесь. Смотри. Я тебе сейчас покажу.

Часовой расстегивает жилет и задирает рубаху, демонстрируя Павлу штыковую рану.

ЧАСОВОЙ

(на французском)

Это я получил в Италии. Русский штык. Один удар и два месяца в госпитале. Вот так.

(часовой показывает два пальца)

Два месяца. Понимаешь?

Часовой заправляет рубаху и добродушно усмехается, достает кисет с трубкой.

ЧАСОВОЙ
(на французском)
Хочешь покурить? Табак,
табак?

Часовой сперва показывает на саму трубку, потом вставляет ее в рот.

Павел качает головой.

ЧАСОВОЙ
(на французском)
Как хочешь.

Павел вдыхает морозный воздух, оглядывает стены монастырских построек и голые деревья, смотрит вверх, на темное небо и бледную луну, висящую над крестами церкви.

Часовой набивает трубочку табаком из кисета.

ЧАСОВОЙ
(на французском)
Ты не волнуйся. Теперь все
будет хорошо. Наш капитан
сказал, что вас всех скоро
домой отошлют. В Россию.
Слышишь, в Россию, домой.
Скоро. А, ну да.

Часовой машет рукой, пытаюсь разъяснить свои слова.

Павел кивает и медленно уходит; у самого входа в трапезную он падает на землю.

ИНТ. МОНАСТЫРСКАЯ ТРАПЕЗНАЯ. ДЕНЬ.

Павел открывает глаза, он лежит на кровати под шинелью, напротив него, на соседней койке, сидит Тимофей в партикулярном европейском платье, рядом с ним лежат костыли.

ТИМОФЕЙ
Пашка! И впрямь живой. Я уже
и не думал тебя увидеть. А
тут давеча встретил в кабаке
Антипа, это из драгунов
который, так он мне все про
тебя рассказал.

Павел садится на кровати, заметно, что он уже совсем оправился от ран. Он хлопает Тимофея по плечу.

ПАВЕЛ

Тимоха, ты?

ТИМОФЕЙ

А то кто же? Я самый и есть,
тебе спасибо. Только ногу,
видишь, фельдшера оттяпали.

Тимофей демонстрирует свою культу.

ТИМОФЕЙ

Отвоевался.

ПАВЕЛ

А полк наш где?

ТИМОФЕЙ

Эх, вспомнил. Они, небось,
дома давно. Кто в живых
остался. От нашей роты,
почитай, только мы и
остались. Говорят, при
ретираде много наших
полегло. Царство им
небесное.

Тимофей обстоятельно крестится.

ТИМОФЕЙ

А ты? Здоров совсем или как?

ПАВЕЛ

Ожил, видишь. Я, было,
решил, все. Ан, нет.

ТИМОФЕЙ

И хорошо, и живи. Я ведь
тебе, Паш, по гроб жизни
теперь. Если бы не ты.
Молить за тебя буду. Я тебе
тут пожевать принес.

Тимофей вдруг достает из-за спины узелок с провизией,
кладет его на колени Павла, развязывает, освобождая белый
хлеб, кусок сыра, половину курицы и бутылку вина.

ТИМОФЕЙ

Поешь. Я знаю, тут кроме
супа и хлеба ничего не дают.
Сам два с лишком месяца
провалялся.

Мимо них проходит французский солдат, который стоял на
часах.

ЧАСОВОЙ
(на французском)
А-а, русские! Как дела? Уже
лучше?

ТИМОФЕЙ
Мусью, вен, вен руж!

Тимофей показывает на бутылку, приглашает француза выпить.

ЧАСОВОЙ
(на французском)
Спасибо. С удовольствием. За
ваше здоровье!

Часовой кивает Павлу, прикладывается к бутылке, отдает ее Тимофею.

ЧАСОВОЙ
(на французском)
Спасибо. И удачи.

Подкрутив ус, часовой уходит.

ТИМОФЕЙ
Веселые мужики эти французы.
А пить горазды, ты не
поверишь. Да, ты ешь, ешь.
Вино это их кислятина,
правду сказать, но я уже
привык. У нас с Марфой на
ферме второй месяц эскадрон
их кирасир стоит, вот и
обвыкся с ними.

Павел отрывается от еды.

ПАВЕЛ
У тебя с Марфой? Так ты.

ТИМОФЕЙ
Ну да. Да, ешь ты, ешь, а то
совсем отощал.

Павел послушно откусывает кусок курицы.

ТИМОФЕЙ

Я пока лежал в лазарете,
Марфа ко мне чуть не каждый
день приходила. А уж как я
на костыли встал, мы с ней
всем и объявились. Батя ее
ворчит малость пока что, но,
ты же знаешь, я и со
скотиной могу, и кузнечное
дело знаю и даже на
сапожника учился. Вот ногу
деревянную сделаю, мне
тутошний фельдшер француз
обещал, так и горя не будет.

Павел жует, слушая Тимофея.

ТИМОФЕЙ

И ты, Паш, оставайся, а?
Найдем тебе какую-нибудь
бабенку. У Марфы неподалеку
сродственники есть. Устроим
тебя как-нибудь. Вас-то
скоро назад отправят. Точно
тебе говорю. Даже новую
форму каждому выдадут. Сам
их царь приказал.

ПАВЕЛ

Нет, Тимоха, мне назад надо.
Я пока выздоравливал, лежал,
думал и твердо решил, скоплю
деньгу и выкуплю Анютку у
барина. Ты понимаешь, я
каждую ночь ее во сне вижу.
Идем мы с ней по полю и
малец с нами. Не могу я так.
Нет мне никакой радости без
нее.

ТИМОФЕЙ

Да жива ли она? Одумайся. Ты
не хуже моего знаешь.

ПАВЕЛ

Жива, Тимох. Жива моя
Анютка. Верю я, что жива.
Вот батюшку больше не вижу.

Павел застывает, задумавшись.

ТИМОФЕЙ

Пашка, да послушай ты. Тебе еще почти двадцать лет ляжку тянуть. И говорят еще, этот, их царь, Бунапарте, обратно всю Италию отвоевал. Теперь уж это скоро не кончится, помяни мое слово. Опять война будет. Когда ты теперь домой попадешь, сам подумай? Где ты будешь свою Анютку искать?

ПАВЕЛ

Нет, Тимоха, не уговаривай. Я твердо решил, все сделаю, ни есть не буду, ни пить, но соберу деньги и выкуплю Анютку у барина. Хоть старость вместе проживем. На ребеночка нашего порадуемся. Она же, Тимох, вроде как уже тяжелая была, когда меня забривали. Так-то.

Павел машинально откусывает еще кусок курицы, жует, размышляя.

ПАВЕЛ

Пять, нет уже шесть. Ему уже должно шесть исполниться. Понимаешь, Тимох, шесть годков. Уже человек. Верно, мамке помогает. В поле или по огороду, или со скотиной.

ТИМОФЕЙ

А как убьют тебя?

ПАВЕЛ

Значит, судьба. Да даст Бог, обойдется как-нибудь.

Слышится звонкий женский голос, говорящий по-немецки, и бас французского часового.

ТИМОФЕЙ

Ого, слышишь, это Марфа. Она. Слышишь? Бойкая такая. Нашла-таки. Слышишь? Боится, что я обратно в Россию подамся. Видать, вправду любит. Эх, жизнь наша тяжкая.

Тимофей берет костыли и встает.

ТИМОФЕЙ

Прощай, Паш. Храни тебя
Господь. Родится сын, назову
его в честь тебя.

НАТ. ЦЮРИХ. ДЕНЬ.

На площади, окруженной цепью французских пехотинцев, стоит сборная колонна русских военнопленных в униформе с иглопочки; в строю виден Павел, чуть поодаль драгуны Антип и Санька.

Напротив располагаются эскадрон французских карабинеров и дюжина барабанщиков.

В стороне толкуются зеваки, среди которых находится Тимофей с МАРТОЙ, пухленькой миловидной женщиной.

ТИМОФЕЙ

Пашка! Паша!

Павел ищет глазами своего друга.

Тимофей пытается протиснуться через толпу, наконец, ему удается добраться до французского солдата. Тимофей показывает ему узелок и что-то пытается объяснить, но солдат только качает головой, тогда Тимофей демонстрирует ему свой костыль, после этого француз кивает и пропускает его на площадь. Слышны команды: «Фрунт! На право!»

Павел выполняет команду в строю, но тут же оборачивается.

Тимофей, прыгая на костылях, приближается к русской колонне. Его останавливает гренадерский офицер.

ГРЕНАДЕРСКИЙ ОФИЦЕР

Кто такой? Болван, пошел вон
отсюда!

ТИМОФЕЙ

Сам болван! Ты мне, ваше
благородие, теперь не указ.
Я теперь свободный человек.

(показывает на

французского солдата)

Он меня пропустил. Попробуй,
скажи что-нибудь. На их
спинах особо не
позабавишься. Они тебе
быстро штык куда надо
вставят.

Тимофей плюет под ноги оторопевшему офицеру, отстраняет его костылем и допрыгивает до шеренги, где стоит Павел. Раздается команда «марш». Колонна сдвигается с места.

Тимофей скачет за ней.

ТИМОФЕЙ

Пашка, возьми, тут от нас с
Марфой. Там еда и ассигнация
на двадцать пять рублей.
Тебе нужнее будет.

Тимофей протягивает Павлу узелок.

ПАВЕЛ

Спасибо, Тимоха. Дай тебе
Бог! Тебе и Марфе.

Колонна русских солдат под бой французских барабанов уходит с площади.

Павел оглядывается на провожающих. Слышен крик Тимофея:
«Не поминай лихом!»

Тимофей снимает свою форменную треуголку, машет ей Павлу, Марта машет платочком.

Последние русские солдаты покидают площадь.

Слышны команды французов, и место русской колонны занимает французская рота.

Павел еще раз оглядывается.

Площадь наполняется французами, заслоня Тимофея с Мартой; виден лишь ее розовый платочек и треуголка русского мушкетерского полка, но и их скоро скрывают султаны на киверах французских пехотинцев.

ЗТМ

НАТ. ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД. ВЕЧЕР.

ТИТР:

Царствование Императора Александра 1-го. Июнь 1812 года

На окраине, за которой простираются поля и леса, вдоль опущенного шлагбаума прохаживается часовой: несколько шагов от будки и обратно. Это ИЛЬЯ, молодой круглолицый пехотинец высокого роста и крепкого телосложения в униформе нового образца.

Илья останавливается, зеваает, смотрит на дорогу.

На горизонте показывается крестьянская подвода. Слышно жужжание пчелы.

Некоторое время Илья наблюдает за ее полетом.

Видит, что пчела садится на запыленный цветок, растущий у самого края дороги за шлагбаумом.

Илья снимает с плеча ружье, прислоняет его к стене будки и достает из ножен тесак.

Илья заходит за шлагбаум и приближается к цветку, на котором сидит пчела.

Пчела продолжает собирать нектар.

Илья медленно заносит руку для удара. Резко рубит.

Срезанный острым клинком цветок падает в дорожную пыль. Слышно, как жужжит невредимая пчела.

Илья начинает судорожно рубить воздух, пытаясь настичь беглянку. Безуспешно. Доносится зычный крик Павла: «Смена!»

К посту приближаются три пехотинца в сопровождении унтер-офицера Павла Емельянова. За эти годы Павел возмужал и заматерел, на висках появилась седина; его лицо украшают два новых шрама, а на груди красуются серебряный Георгиевский крест и Аннинский знак.

Илья бросается к будке, хватая ружье и замирает.

Павел командует сменой караулов. Под его крики «на караул», «на плечо», «на лево» новый часовой занимает место Ильи, который становится в шеренгу из трех человек.

ПАВЕЛ

Илюха, все в бирюльки
играешь? Часовым ружья из
рук не выпускать, с постов
не сходить. Палок захотел?!

ИЛЬЯ

Виноват, Павел Ефремович.

ПАВЕЛ

(грозя пальцем)
Смотри у меня.

К шлагбауму подъезжает подвода, груженная тюками, на которых восседает СТАРИК лет шестидесяти.

ПАВЕЛ

Пропусти!

Заступивший часовой поднимает шлагбаум. Старик щелкает кнутом и проезжает заставу.

Павел отдает команду «на лево, марш», и три пехотинца идут обратно к городу.

Рядом неспешно движется подвода старика, который то и дело поглядывает на солдат.

Развод марширует, не обращая на старика внимания.

СТАРИК

А что солдатики, не слышать
ли чего о войне скорой?

ПАВЕЛ

Проезжай!

Старик отворачивается от развода, но лошадь не подгоняет, а продолжает ехать рядом с марширующими пехотинцами.

СТАРИК

В народе-то говорят, француз
скоро на нас пойдет.

ПАВЕЛ

Ты, отец, поменьше пустую
брехню слушай.

СТАРИК

Пустую, как же! А звезда?
Народ говорит, вроде как
звезда на землю упала.
Знамение вроде. Да и
рекрутов в этом разе больше
забрили. Вон, под Вильно
целая рать стоит. Говорят,
француза ждет. А ты
говоришь, брехня.

Павел молча ведет солдат по улице города.

СТАРИК

И बारे तो же самое говорят,
что пойдет француз. Они-то,
баре, грамоте обучены, не
чета нашему брату, в афишах
и книжках читают. Давеча
барин наш, граф Салтыков
Михаил Петрович, всех
дворовых своих обязал ружью
учиться.

Павел останавливается, как вкопанный, потом бросается за
подводой, хватается за край, идет рядом, позабыв о
разводе.

ПАВЕЛ

Кто? Как ты сказал?

СТАРИК

Граф Салтыков Михаил
Петрович.

ПАВЕЛ

Салтыков, из Калужской
губернии?

СТАРИК

Салтыков, из Калужской. Ему
нас в прошлом году наша
барыня продала, со всей
нашей Колотовкой. Ох, он и
баловник – за месяц всех
ладный девок к себе на двор
утащил. Да я смотрю, ты
вроде как знаешь его?

ПАВЕЛ

А Анютку, Смолину Анну
Касьяновну из Берестовки, ты
не встречал?

Старик задумывается.

Павел с надеждой смотрит на него.

СТАРИК

Нет, не знаю такой. У него
людей много. Богатый барин,
важный. Наша-то барыня
разорилась вконец.

ПАВЕЛ

А Емельянова Ефрема
Павловича?

СТАРИК

Емельянова?

ПАВЕЛ

Да, Емельянова. Емельянова
Ефрема Павловича.

СТАРИК

Нет, такого тоже не знаю.

Расстроенный Павел отпускает телегу, потом снова догоняет старика.

ПАВЕЛ

Отец, а ты сейчас куда?

СТАРИК

Известно куда, в имение.
Видишь, купил в Вильно сукна
немецкого, а теперь обратно.

ПАВЕЛ

Отец, отвези письмо в
Берестовку. Не откажи в
просьбе. Не за так, отец. Уж
я тебя отблагодарю. Возьми
рубль, только довези. Я уж
пишу им который год, а
ответа все нет и нет.
Видать, с почтой что-то. А
ты уж из рук в руки передай.
Так надежней будет.

Павел лезет за пазуху, достает сложенное письмо, потом достает монеты, протягивает старику.

ПАВЕЛ

Тут два рубля, один тебе, а
один отдай самой Анютке,
Анне Касьяновне. Смолиной.
Запомнишь? Смолина их
фамилия. Ей или матушке ее.
Пусть дадут приказчику, чтоб
он отписал мне назад, в
полк, что у них и как.

КАПИТАН ШАХОВ (З.К.)

Унтер-офицер! Это что еще
такое?!

Павел оборачивается.

У подъезда двухэтажного особняка с колоннами стоит
коляска, запряженная парой гнедых. В ней, в окружении двух

миловидных дам сидит капитан ШАХОВ, молоденький напوماженный хлыщ в офицерском мундире.

КАПИТАН ШАХОВ
Ты что, собака, караульный
устав забыл?!

Шахов выпрыгивает из коляски.

КАПИТАН ШАХОВ
А ты, болван, что пялишься,
проезжай!

Старик отворачивает лицо от офицера, дергает вожжи.

Павел бросается за подводой. Сует в руку старика письмо и деньги.

КАПИТАН ШАХОВ (З.К.)
Куда, скотина?! Я кому
сказал?!

ПАВЕЛ
(старику)
Запомни, отец, Смолина Анна
Касьяновна, деревня
Берестовка. Только сам
передай. Из рук в руки.

КАПИТАН ШАХОВ (З.К.)
Назад, сволочь!

Старик быстро хватает письмо, щелкает кнутом, и его лошадка прибавляет ход.

Павел смотрит, как подводка уезжает, разворачивается и строевым шагом направляется к капитану Шахову мимо застывшего по стойке смирно развода.

Спутницы офицера с любопытством смотрят на мужественного, украшенного шрамами Павла.

КАПИТАН ШАХОВ

(дамам)

Я сейчас эту мужичину сквозь
строй. Он у меня будет
знать, как от службы
отлынивать. Мужик – он
всегда скот, никогда порядка
не знает.

(Павлу)

Ты что, мерзавец, караульный
устав позабыл?! Я тебя,
скотина, быстро к порядку
приведу! Из какой ты роты?
Отвечать!

ПАВЕЛ

Унтер-офицер второй пехотной
роты первого батальона
пехотного полка Павел
Емельянов. Виноват, ваше
благородие.

КАПИТАН ШАХОВ

Сквозь строй захотел,
собака?!

ПАВЕЛ

Согласно указу Его
Императорского Величества
Георгиевских кавалеров сечь
не положено.

Шахов видит на груди Павла Георгиевский крест.

КАПИТАН ШАХОВ

Молчать! Императорский указ
ты выучил, а устав забыл,
скотина?! Грамотные стали?!
Я тебя, подлеца такого,
обратно в рядовые разжалую.

Шахов замахивается, чтобы ударить, но вдруг пугается
внушительных габаритов Павла.

КАПИТАН ШАХОВ

(пехотинцам)

Солдаты, ко мне! Арестовать
подлеца! Под конвой!

Павел спокойно смотрит в лицо Шахову.

Спутницы капитана перешептываются, продолжая с интересом
исследовать внешность Павла.

Илья и два других пехотинца окружают Павла.

КАПИТАН ШАХОВ
В арестантскую его! На
право! Марш!

Солдаты выполняют команду и уходят.

КАПИТАН ШАХОВ
(дамам, на
французском)
Сударыни, я надеюсь, вы
извините мне эту небольшую
задержку, но, увы,
государственное дело не
терпит отлагательств. Долг
превыше всего.

1-АЯ ДАМА
(на французском)
Николай, он такой большой
этот ваш солдат. Они у вас
все такие?

2-АЯ ДАМА
(на французском)
Дорогая, а как бы он был
хорош, изображая корнелевого
Сида.

1-АЯ ДАМА
Что вы, графиня, забудьте о
Сиде. Корнель и все
французское сейчас не
патриотично. Не так ли,
Николай?

КАПИТАН ШАХОВ
Не беспокойтесь, сударыня,
даже если Бонапарт решится
напасть на нас, моя шпага
всегда вас защитит.

Шахов забирается в коляску; эфесом шпаги тычет кучера в
спину.

КАПИТАН ШАХОВ
(на русском)
Заснул уже? Гони в театр,
болван!

Коляска отъезжает от подъезда, сворачивает на первом же
повороте.

Летающее со свистом ядро сносит одну из колонн особняка.
Издали доносится грохот канонады.

НАТ. ГУБЕРНИЯ. ДЕНЬ.

ТИТР:

Август 1812 года

На голубом небосклоне высоко стоит жаркое солнце, заливая ярким светом пшеничные поля.

По широкой дороге маршируют густые колонны пехотинцев; над ними возвышаются офицеры на конях.

За армией тянутся бесчисленные артиллерийские повозки, обозы и телеги мирных жителей, которые покидают горящий губернский город.

Через поле, сминая золотистые колосья, проносится кирасирский полк.

В составе своей роты шагает разжалованный в солдаты Павел, рядом идет Илья с перевязанным окровавленным бинтом лбом, а позади них тридцатилетний ПАХОМ.

ИЛЬЯ

Что это мы все бежим да бежим, Павел Ефремович?

ПАХОМ

И то правда. Второй месяц уже пошел. При немце Барклае отступали, теперь со своим Кутузовым та же история.

ПАВЕЛ

Наше дело солдатское: получил приказ – исполняй.

ИЛЬЯ

От тебя, Павел Ефремович, только одно и слышно.

ПАХОМ

Мы таким макаром до самой моей Владимирской губернии дойдем, а, может, куда подале.

ПАВЕЛ

Начальство скажет до
Владимирской, пойдешь до
Владимирской. Поди, нас с
тобой не спросят.

ПАХОМ

Начальству оно, конечно,
виднее.

Через поле, по проторенному пути скачет гусарский полк, за
ним драгунский.

ПАХОМ

Сколько хлебушка зря
пропадает.

ИЛЬЯ

Ребята болтали, так
начальство приказало, чтобы
нехристям не досталось.

ПАХОМ

Оно и видно. Мы, значит,
бежим, города отдаем, за
здорово живешь, сами свой
хлеб жжем. А их благородиям
что? Их благородия, они
хлебушек только в своем рту
видали.

ИЛЬЯ

Ты, Пахом, вместо того,
чтобы ворчать понапрасну,
царю пожалуйся. Вон, Павел
Ефремович, грамоту знает, он
тебе челобитную написать
поможет.

ПАВЕЛ

Ищи дураков. В Нерчинск, в
кандалы захотел? Дорога-то
одна, и сворачивать не
придется. Так напрямиком и
дойдешь.

АНТИП (З.К.)

Ребята, Емельянова Павла
случаем нет среди вас?!

ИЛЬЯ

Павел Ефремович, там вроде
тебя кличут.

Павел оборачивается.

От строя драгун отделяется всадник с рукой на перевязи – это тот самый Антип; теперь он в чине корнета с орденом Святой Анны на груди.

ПАВЕЛ

Антип, ты ли?!

Антип доезжает до Павла, едет шагом параллельно движению пехотинцев.

АНТИП

Пашка! Мушкетер! Смотри-ка, все живой еще! Я смотрю, кажись, твой полк.

ПАВЕЛ

Живой. И ты, я смотрю, целый. И уже корнет.

АНТИП

Корнет. Ты-то все в солдатах, я смотрю?

ИЛЬЯ

Павла Ефремовича разжаловали! Начальство невзлюбило!

ПАВЕЛ

(Илье)

Не встречай!

(Антипу)

А Санька? Санька с тобой был. Друг твой, где он?

АНТИП

Саньку еще при Эйлау убили. Кирасиры насмерть зарубили. Царство ему небесное.

(крестится)

А я, видишь, ничего, даже Святую Анну заместо него получил. Но, ты же знаешь, он бы мне его все одно проспорил.

(вздыхая с сожалением)

Так мне без друга моего Саньки скучно воевать, кто бы знал.

ПАВЕЛ

А руку где подстрелили? Под Смоленском?

АНТИП

Пустяки. Еще чуть-чуть, и мы бы этих уланов одолели. Жалко, пехоты близко не оказалось.

ПАХОМ

Так мы бы рады помочь, да начальство приказало отступить!

АНТИП

Ничего, не горюй инфантерия, успеете повоевать. Ладно, прощай, Паш, думаю, у Москвы еще встретимся.

Антип пускает коня вскачь, но вдруг поворачивает назад.

АНТИП

Пашка, а спорим, что никогда не взять Бонапарту Москву? Давай, а?

Отовсюду вдруг раздаются крики: «И спорить нечего! Не отдадим Москву Антихристу!»

ПАВЕЛ

Если бы нам решать. Это, Антип, не от нас с тобой зависимо. Смоленск, вон, сдали. Так что, не буду я с тобой спорить, уж не обижайся.

АНТИП

Как скажешь. Больно серьезный ты мужик, Пашка. Скучно с тобой.

ИЛЬЯ

Истинная правда, ваше благородие! Павел Ефремович – человек обстоятельный.

АНТИП

Что же, прощай, даст Бог, еще свидимся.

Антип, взмахнув на прощанье рукой, пускается догонять свой полк.

ИЛЬЯ

Хорошо этим кавалеристам:
сел на коня и горя не
знаешь.

ПАХОМ

Не скажи, за конем уход
нужен. Ты его сперва подкуй,
потом накорми. И сбруя тоже
сколько денег стоит.

Павел смотрит вслед Антипу.

Мимо пехотинцев, вытаптывая пшеничное поле, проносятся полки отступающей русской кавалерии. Сплошной поток всадников, эскадрон за эскадронам. Гусары, кирасиры, драгуны, казаки и снова кирасиры, драгуны, казаки, гусары.

Вместе с ними по пыльным дорогам отступают растянувшиеся до линии горизонта плотные пехотные колонны, артиллерия и обозы.

Дым от пожаров постепенно застигает солнце. Слышны нарастающий монотонный звук французских флейт, глухой бой французских барабанов и мерная поступь надвигающейся французской пехоты.

НАТ. ОКРЕСТНОСТИ ДЕРЕВНИ УТИЦА. ВЕЧЕР.

ТИТР:

Бородинское поле, 6 сентября 1812 года

Садится солнце, на землю опускаются сумерки. Вьющаяся полоса старой Смоленской дороги пролегает через небольшую деревушку, позади которой на кургане установлена батарея. Перед ней в четыре линии расположены несколько корпусов русской армии: кавалерия и пехотные дивизии.

Ружья составлены в козлы, сами солдаты сидят на земле, каждый занят чем-то своим: кто-то чинит прохудившийся сапог, кто-то точит тесак, еще один надевает чистую рубаху, другой загоняет шомпол в дуло ружья, а некоторые, обессилев, уже дремлют прямо на голой земле, подложив под голову ранцы. Кашевары разводят костры под закопченными артельными котлами.

Павел сидит, подложив под поясницу ранец. Рядом с ним колдует над своим ружьем Пахом. Павел оглядывает окрестности.

Справа, за небольшой рощей, видны колонны русских пехотинцев, размещенные позади Семеновских флешей. За флешами находится сама деревня Семеновская, уже совсем разобранный, позади которой стоят несколько русских полков. Еще правее находится большая батарея и большое скопление войск – десятки тысяч русских солдат и кавалеристов. За ними видна маковка колокольни села Бородино.

ПАВЕЛ

Завтра дело будет. Теперь уж все решено.

Павел устраивается поудобней и закрывает глаза.

НАТ. ДЕРЕВНЯ БЕРЕСТОВКА. ДЕНЬ.

Старик, тот самый, которой въезжал в город на подводе, останавливается у дома Касьяна. Идет к калитке.

Там его встречает Анна, одетая в европейское платье.

Старик с поклоном передает ей письмо.

Анна срывает печать, читает. Из-за широкой юбки Анны показывается голова маленького мальчика. Видно, как Анна, не отрываясь от письма, опускает руку и гладит ребенка по голове.

ПАХОМ (З.К.)

Павел Ефремович, у меня с ружьем нелады. Павел Ефремович.

НАТ. ОКРЕСТНОСТИ ДЕРЕВНИ УТИЦА. ВЕЧЕР.

Павел открывает глаза.

Пахом протягивает ему ружье.

Павел берет его, осматривает замок. Убедившись, что все работает, возвращает оружие ее хозяину.

ПАВЕЛ

Боишься?

Пахом берет ружье назад. Опять осматривает его, делая вид, что не расслышал вопроса.

ПАВЕЛ

Не бойся, Пахом. Двум смертям не бывать.

Пахом продолжает копаться с замком ружья.

Павел откидывается на ранец, смотрит вдаль.

Там можно видеть, как с правого на левый фланг перестраивается линия французской армии. Поля, с которых не успели еще снять посевы, окрашены лучами склоняющегося за горизонт светила. Золотое пшеничное море пререзывается стальной рекою штыков, которые сверкают на вечернем солнце. За ростом и густотой колосьев людей почти не видно. Двигается одно лишь железо.

ПАВЕЛ

Пахом, у тебя семья есть?

ПАХОМ

Есть. Жена Акулина
Васильевна и ребятишек двое,
Гаврила и Пелагея, меньшая
наша.

Пахом, наконец, оставляет в покое ружье.

ПАХОМ

Как там они без меня?
Сродственники, конечно, если
что, помогут, а все-таки на
сердце беспокойно. Глашутка
последнее время животом
шибко мучилась. Ее бы к
графскому немцу фельдшеру,
но родня Акулины Васильевны
воспротивилась. Нехристь,
говорят. Стали тогда
Глашутку по монастырям
возить, по святым местам, к
иконам чудотворным
прикладывали. Аж до самой
Москвы доехали.

ПАВЕЛ

Так ты, Пахом, саму Москву
видел?

ПАХОМ

А то. Да не один раз.
Впервой еще дитем. Лет семь
мне тогда было. Батюшка взял
меня с собой на ярмарку. Мы
тогда, при князе еще, с
большим капиталом были. Пока
князь нас со всей деревней
новому барину в карты не
проиграл. Так дворовые
мужики рассказывали. Ну, а
новый барин обобрал нас
совсем; оброк увеличил, а
кто не платит, того на завод
тотчас. Так и повелось.

К Павлу и Пахому подходит Илья, подсаживается рядом,
стаскивает со спины ранец.

ИЛЬЯ

Что слышно, каша скоро
будет?

ПАХОМ

Нет, кашевары только огонь
развели.

ПАВЕЛ

Ты где шляешься? Смотри,
подстрелят французы.

ИЛЬЯ

Да их тут нет пока. Я за
деревней был. Там московские
ополченцы стали. Полков
пять, не меньше.

ПАВЕЛ

Это ты столько времени их
считал?

ИЛЬЯ

Павел Ефремович, ты не
ругайся. Лучше посмотри
сюда.

Илья запускает руку в ранец и выуживает оттуда за уши
подбитого зайца. Со стороны раздаются крики однополчан:
«Смотри-ка, Илюха зайца подбил! Илья, тащи его сюда!»

ИЛЬЯ

(оборачиваясь на
крики)

Раскатал губу. Иди сам
поймай.

ПАХОМ

То дело. Можно зажарить. Я
пойду, дрова посмотрю.

Пахом встает.

ПАВЕЛ

Отдай кашеварам.

Пахом садится.

ИЛЬЯ

Павел Ефремович, я для вас
старался. До самых
ополченцев дошел.

ПАВЕЛ

Отнеси кашеварам, тебе
говорю, пусть в артельный
котел бросят.

Недовольный Илья со злостью запихивает зайца обратно в
ранец, встает и уходит.

Пахом вздыхает и снова берет в руки ружье.

ПАВЕЛ

Пахом, Пахом, рассказывай
дальше. Москва-то, как там
оно?

ПАХОМ

Москва? Большой город.
Церквей множество. Золотые
купола повсюду, со всех
сторон видать. Улицы
длинные, извилистые, домов
каменных не счесть. И людей
- видимо-невидимо. Кто на
ямщике, кто верхом, простой
люд, на своих двоих,
конечно. Иноземцев тоже
много. И татары там, и
немцы. Каждому своя слобода
положена, там и живут. Лавки
торговые повсюду, кабаки.

Недовольный Илья возвращается, со злостью бросает ранец на землю, садится рядом с Павлом и Пахомом.

ИЛЬЯ

Дурачина ты, Павел
Ефремович. Лет тебе много,
грудь в орденах, а ума вовсе
нет. Я зайца кашеварам
отдал, как ты сказал, а они
его вместо котла их
благородиям в избу понесли.

ПАХОМ

(вздыхая)

Известное дело.

ПАВЕЛ

Ничего. На пустой живот
драться будет легче.
Особенно в первый раз.

ИЛЬЯ

Правильно тебя из унтер-
офицеров разжаловали.

Илья отворачивается от Павла, подкладывает под голову ранец и ложится.

ИЛЬЯ

Толкните, когда каша
подспеет.

ПАВЕЛ

Пахом, расскажи еще про
Москву.

ПАХОМ

Да что там рассказывать.

ПАВЕЛ

А Кремль ты видел?

ПАХОМ

Видел. Богатое место. Башни
высоченные с золотыми орлами
на маковках. На одной башне
часы висят. Так их аж с
земли видно.

Заинтригованный рассказом Илья переворачивается на другой бок.

ИЛЬЯ

Болтаешь.

ПАХОМ

(крестится)

Истинный крест. В Кремле все так. При колокольне колокол лежит небывалых размеров, а у палат пушка стоит огромная. Из такой один раз пальнешь, и сразу целого полка нет.

ИЛЬЯ

Точно болтаешь.

ПАХОМ

(крестится)

Вот тебе крест. Истинная правда.

ИЛЬЯ

Да ну тебя. Лучше пойду, посмотрю, как там каша, а то у меня от твоей брехни в животе урчит.

Илья встает и уходит.

ПАХОМ

Фома неверующий. Эх, нам бы такая пушка завтра пригодилась.

ПАВЕЛ

Твоя правда.

Павел смотрит вдаль.

Пахом перехватывает его взгляд.

В стгутившейся темноте, там, где должны находиться французские войска, видны бесчисленные огни костров. Кажется, что все пространство до самого горизонта усеяно яркими мерцающими пятнами, словно это не земля, а небеса, усыпанные полыхающими звездами. До русских позиций доносятся отдаленный бой барабанов, бравурная музыка и радостные крики.

Русские солдаты, эти простые мужики, бывшие крестьяне, по большей части своей темные и неграмотные, не видевшие ни разу в жизни своей ничего грандиозней аляповатых барских особняков, они во все глаза смотрят на невиданное доселе завораживающее зрелище. Многие встают, чтобы разглядеть получше все занятое французами пространство, другие осеняют себя крестным знаменем, шепча придуманные наспех молитвы под нос, но ни один, ни один не отрывает свой

любопытный и беспокойный взгляд от представленного им Историей аттракциона.

Подрагивая, бьются огни стотысячной Великой Армии. Но через некоторое время берет свое, их свет начинает постепенно слабнуть, один за другим они гаснут, медленно бледнея и уменьшаясь в размерах, чтобы, наконец, окончательно раствориться в опустившейся на поле сражения ночи.

НАТ. ОКРЕСТНОСТИ ДЕРЕВНИ УТИЦА. НОЧЬ.

Русские солдаты отдыхают на своих позициях, укутавшись в шинели. Один похрапывает, другой беспрестанно ворочается с боку на бок.

Илья отгоняет назойливую муху, Пахом обнимает свое ружье, что-то бормоча себе под нос, рядом, закинув за голову руки, спит Павел.

НАТ. МОСКВА. ДЕНЬ.

Красная площадь. В направлении ворот Спасской башни, взявшись за руки, идут Анна, одетая в европейском платье, маленький мальчик в камзоле и Павел в военной форме. Они останавливаются, задирают головы вверх.

Над ними Кремлевские куранты, на которых нет стрелок, только пустой циферблат. Раздается крик петуха.

НАТ. ОКРЕСТНОСТИ ДЕРЕВНИ УТИЦА. УТРО.

ТИТР:

Бородинское сражение, 7 сентября 1812 года

Слышен крик петуха. Первые лучи восходящего солнца освещают небосклон, разгоняя утренние сумерки. Ярко-желтый диск медленно поднимается над землей, обдавая светом леса, овраги, холмы, вытопанные поля, разрушенную деревню, флешы, ошестившиеся орудиями, и десятки тысяч солдат, выстраивающихся в линии и колонны. Внезапно раздается дружный выстрел десятков орудий и мгновенно спустя свист десятков ядер.

От батареи, расположенной напротив Семеновских флешей, поднимаются в небо густые облака порохового дыма, которые не успевают рассеиваться. Снова гремят пушки. Они не останавливаются ни на минуту.

Полк Павла с развернутыми знаменами побатальонно стоит у обочины старой Смоленской дороги, справа еще два пехотных полка, позади другой. Вдоль рядов солдат прохаживаются

спешенные офицеры, среди которых можно заметить лощеного капитана Шахова.

Метрах в пятистах впереди, в роще маячат цепи русских егерей.

Справа от них видны Семеновские флеши. Оттуда слышен шум начавшейся битвы, там видны взрывы бомб, туда от деревни Семеновская идут русские полки.

Павел стоит в первой шеренге своей роты, смотрит на бой. Рядом с Павлом грызет сухарь Илья, а за ним невысокий Пахом в который раз поправляет перевязи патронной сумки и тесака.

Слева от полка Павла проходит старая Смоленская дорога. У деревни Утица расположено несколько полков русских гренадеров и егерей.

Павел снова переводит взгляд туда, где началось сражение, где продолжают грохотать орудия.

Флеши окутаны дымом. Видно только, как туда на помощь спешит русская пехота, за которой выстраиваются кавалерийские полки.

ИЛЬЯ

Что там, Павел Ефремович?

ПАВЕЛ

Сам не видишь? Пушки французские стреляют. А наши им отвечают.

ПАХОМ

(выглядывая из-за спины Ильи)

Где, где?

ПАВЕЛ

Вон, справа, видишь?

ИЛЬЯ

Почем ты знаешь, что наши им отвечают.

ПАВЕЛ

Дым там от наших батарей.

Вдруг впереди, там, где находятся егеря, начинается перестрелка.

Внимание Павла теперь привлечено туда.

ИЛЬЯ

А теперь что?

ПАВЕЛ

Бестолковый ты, Илюха.
Французы наших егерей
атакуют. Если они не
выдержат, тогда уже нам
вступить придется.

ПАХОМ

(выглядывая из-за
спины Ильи)

Где, где?

ПАВЕЛ

Вон, перед нами, у роши,
видишь?

Пахом из-за плеча Ильи всматривается вдаль. Остальные солдаты тоже смотрят на позиции егерей.

Офицеры занимают свои места. Ждут.

Егеря начинают пятиться. Под барабанный бой солдаты отходят, начинают строиться в колонну.

ПАВЕЛ

Все. Вот и до нас дошел
черед.

В первый раз Павел вдруг осматривает ружье, проверяет, достаточно ли надежно насажен на ствол штык.

ИЛЬЯ

Что, прямо сейчас?

ПАВЕЛ

А ты думал, они завтра
придут?

ПАХОМ

Павел Ефремович, французы?

Кто-то сбоку говорит: «Там, смотри. Ослеп что ли?»

Из роши небольшими группами появляются солдаты в светло-синих мундирах.

Горн трубит «атаку». Уже через пару секунд от деревни Утица летит на врага полк казаков. Французы не успевают перестроиться, первая горстка солдат исчезает под копытами русской кавалерии, остальные начинают беспорядочно стрелять, но это не останавливает атаку казаков.

ИЛЬЯ

Ура! Давай! Бей! Молодцы,
казачки!

Его крик подхватывают другие солдаты роты, а потом и всего полка.

Видно, как под натиском кавалерии французы бегут обратно под защиту деревьев. Полк казаков разворачивается и возвращается к Утице. Тем временем перестроившиеся русские егеря снова вступают в рощу. Слышны ружейные выстрелы.

ПАХОМ

Обошлось, стало быть.

ИЛЬЯ

Все-таки хорошо быть в
кавалерии. Налетел и тут же
восвояси. Попробуй-ка,
догони.

Павел обращает взор на флешы.

Там все также стреляет артиллерия, туда все также идут новые и новые русские полки, а обратно попарно бегут ополченцы в серых мужицких кафтанах, таща на носилках раненых солдат.

ПАВЕЛ

Как в печку.

ИЛЬЯ

Что?

ПАВЕЛ

Жарко там сейчас у наших.
Видишь, второй раз туда
резервы подводят.

Вдруг слева, у деревни Утица начинается перестрелка. Видно, как на старой Смоленской дороге появляются наступающие французские пехотинцы. Слышны звуки флейт и барабанов.

ИЛЬЯ

Теперь отсюда полезли.

Раздается залп батареи с Утицкого кургана.

Солдаты следят за продвижением французов. Над их головами со свистом пролетают ядра.

ПАХОМ

Как бы они ненароком в нас
не попали.

ПАВЕЛ

Не бойся, не попадут.

Видно, что у деревни Утица завязывается бой. Французов заволакивает дымом. Трубит горн. Казаки скачут в атаку и исчезают из виду в серой пелене. Несколько секунд спустя в атаку бросается второй казачий полк.

По дороге, в направлении Утицы мимо пехотинцев проходит батальон гренадеров.

ИЛЬЯ

Эй, ребятки, всыпьте им
хорошенько!

Крик Ильи поддерживают другие солдаты.

Гренадеры молча приближаются к горящей деревне. Наконец, хвост колонны исчезает в дыму. Оттуда появляются ополченцы, которые выносят с поля боя раненых. Они бегут по дороге, одна пара, вторая, третья, четвертая. В одном из ополченцев можно узнать постаревшего Софрона. Он еле поспевает за своим напарником, который торопится отнести в лазарет казака с залитым кровью лицом.

Солдаты с сочувствием смотрят на окровавленных товарищей, крестятся.

ИЛЬЯ

Эй, мужики, как там
французы?

СОФРОН

(задыхаясь от
быстрого бега)

Молитесь, православные,
молитесь Господу нашему.
Антихристы идут,
чернокнижники. Пули от них,
словно горох от стены
отскакивают, сабли гнутя и
штыки ломаются.

ИЛЬЯ

Слышишь, Павел Ефремович.
Что делается-то? Правду он
говорит, или как?

ПАВЕЛ

Нечего сказать, нашел, кому
верить.

ПАХОМ

Я, Павел Ефремович, тоже
слыхал, что французы –
колдунята и во Христа не
веруют. И попы то же самое
говорят. Будто и людей эти
французы едят.

ПАВЕЛ

Тьфу, темень деревенская.
Только что своими глазами
видели, как казаки французов
порубили, а все одно вздор
болтаете.

ПАХОМ

Что, значит, врут попы?

ПАВЕЛ

Знамо дело, врут.

ПАХОМ

Ой ли!

ПАВЕЛ

Мне не веришь, поди, спроси
у Матвея или Федота. Мы с
ними вместе и в Пруссии, и в
Польше дрались. Уж кого-
кого, а французов тогда
навидались.

ИЛЬЯ

Что-то наших егерей не
видно.

У рощи, где скрылись егеря действительно тихо и спокойно.

ПАВЕЛ

Знамо, отогнали французов.

Павел смотрит вправо, в сторону флешей.

Там все также дымно, все также туда направляются пехотинцы
и кавалерия, все также оттуда торопятся ополченцы с
ранеными.

А у деревни Утица стрельба стихает, дым постепенно
рассеивается, прекращает палить и Утицкая батарея. Видно,
что враги ретируются. На дороге и вдоль нее лежат трупы

французов и русских. Поредевшие полки казаков возвращаются на свои позиции. Одни ополченцы тащат в тыл искалеченных солдат, другие спешат обратно. Среди них вновь показывается лицо Софрона.

ПАХОМ

Похоже, и впрямь можно
побить французов.

ПАВЕЛ

А то как же. Они, нечего
сказать, brave ребята.
Вроде сами мелкие, а дерутся
бойко. Даже удивительно. Но
все одно, если с умом
подойти, можно хоть кого
побить.

Слышна команда «сесть». Солдаты тотчас ставят ружья в козлы, садятся на лежащие в ногах ранцы или прямо на землю.

Офицеры собираются вместе.

Солдаты достают из ранцев съестное. Павел смотрит на яркое солнце.

ПАВЕЛ

Уже часа два деремся.

Илья разворачивает узелок с сухарями, солониной и двумя луковицами. Накидывается на еду.

ИЛЬЯ

Я бы так хоть всю жизнь
дрался.

ПАХОМ

Как ты еще ешь, Илюха, мне
кусочек в горло не лезет.

ИЛЬЯ

Да у тебя окромя сухарей и
нет ничего, вот потому и не
лезет.

Солдаты беспечно жуют нехитрую снедь, дремлют, болтают между собой, отбегают в сторону справить нужду, потом бегом возвращаются, на ходу поправляя униформу, молятся и глазек по сторонам.

За догорающей деревней Утица копошатся гренадеры, обустроивая новую позицию. У роши, куда ушли егеря, все спокойно, в районе флешей уже ставший привычным густой

пороховой дым, очередь из свежих полков и суета спасающих раненых ополченцев. Слышен стук копыт.

Несколько генералов в сопровождении эскорта из старших офицеров подскакивают к командирам полков, которые тут же выстраиваются в шеренгу.

Все без исключения солдаты замечают появление конников. Жующий перестает жевать, спящий открывает глаза, болтающий умолкает. Во все глаза солдаты смотрят на появившееся дивизионное начальство.

ПАВЕЛ

Плохи наши дела.

ИЛЬЯ

Что?

Раздаются зычные команды. «1-й батальон, 2-й батальон, 3-й батальон! Стоять смирно!» Солдаты вскакивают на ноги, быстро побросав все в ранцы, разбирают ружья и выстраиваются в роты. Офицеры, музыканты, знаменосцы занимают в строю свои места. «Батальон! Смирно!» Солдаты в ротах вытягиваются, устремляя свой взгляд в затылки впереди стоящих. «Батальон! На право!» Пехотинцы поворачиваются. «1-й батальон, 2-й батальон, 3-й батальон! Марш! Марш!» Бьют барабанщики, задавая ритм шагу. «Марш! Марш!»

Первая шеренга, в которой стоят Павел и Илья сдвигается с места.

Перед ними выступает соседний полк, а дальше впереди только густые пороховые облака, которые поднимаются от Семеновских флешей.

Полки идут мимо восседающих на конях генералов и старших офицеров. Один из генералов пристально смотрит в подзорную трубу.

Офицеры подгоняют солдат. «Марш! Марш!»

Видно, как командует своей ротой капитан Шахов.

Павел в своей шеренге идет, покусывая стебелек травы.

КОРНЕЕВ, худой и длинный капитан 2-й роты забегают вперед в порыве энтузиазма.

КАПИТАН КОРНЕЕВ

Марш! Марш!

Он вдруг начинает кашлять, останавливается.

Рота продолжает идти вперед, оставляя своего капитана позади.

ИЛЬЯ

Совсем плох наш капитан.

ПАХОМ

Похоже, чахоточный. Ему бы в лазарет лечь, а он все никак не накомандуется.

С приближением к месту схватки грохот многочисленных орудий усиливается. Батальон за батальоном, рота за ротой, шеренга за шеренгой идут русские солдаты на звук канонады.

С каждым пройденным метром выражение их лиц становится все более сосредоточенным и напряженным. Перекрикивая шум орудий, командуют офицеры: «Марш! Марш!» Монотонный топот тысяч ног сливается с грохотом батарей.

Генералы и старшие офицеры разъезжаются по своим частям.

НАТ. ОКРЕСТНОСТИ ДЕРЕВНИ СЕМЕНОВСКАЯ. УТРО.

Батальон за батальоном полки проходят последний закрытый рощей участок и, наконец, высыпают на открытое пространство. По правую руку у них деревня Семеновская, дальше на возвышении видна большая батарея, а слева уже совсем недалеко флеши, над которыми развеваются знамя французской бригады.

Подгоняемый офицерами полк гурьбой преодолевает сухой овражек, снова быстро строится.

Павел в составе своей роты спокойно ожидает приказ, покусывая стебелек травы. Другие солдаты, напротив, беспокойно вглядываются в суету вокруг флешей.

Раздается грохот барабанов, играет музыка. Стоящий впереди полк разворачивается побатальонно и идет в атаку на занятые французами флеши, постепенно удаляясь от шеренги, где стоит Павел. Время от времени из строя выпадают убитые, оставаясь лежать на поле боя, но полк продолжает идти вперед. Слышно, как начинается перестрелка.

ИЛЬЯ

Павел Ефремович, у тебя мечта какая-нибудь есть?

ПАВЕЛ

Есть. Анютку, невесту мою хочу у барина выкупить.

ПАХОМ

Это ты, которой ты письма
шлешь?

ПАВЕЛ

Ее. Не довелось нам с ней
молодыми пожить, так хоть
старость вместе проведем.

ИЛЬЯ

Что это за мечта?

ПАВЕЛ

Уж какая есть.

ИЛЬЯ

А я, Павел Ефремович, в
гвардию хочу, в Петербург. У
нас в деревне писарь был из
гвардейцев. Как начнет
рассказывать про жите
столичное, просто дух
захватывает. Говорил, что
самого царя Александра
видел. Может, и сочинял. С
другого бока, а где царю еще
быть как не в Петербурге.

ПАХОМ

Конечно, он-то там, а мы тут
за него отдувайся.

Капитан Корнеев вдруг выбегает вперед, вытаскивая из ножен
шпагу.

КАПИТАН КОРНЕЕВ

Рота! Вперед марш!

Где-то сзади начинают бить барабаны, играют флейтчики.

ПАВЕЛ

Вот и до нас дошло.

Перекрестившись, солдаты начинают движение вперед.

КАПИТАН КОРНЕЕВ

Марш! Марш!

Пехотинцы идут в атаку, переступая через трупы своих
товарищей.

Впереди виден полк, ушедший на флешу первым. Его шеренги
сильно поределели, но солдаты не выходят из боя. Слышны
выстрелы, лязг стали и крики раненых. Видно, как падает

знаменосец, как спешивается генерал и бросается в гущу боя. Обожженное знамя взмывает над головами дерущихся солдат.

Рота Павла наступает, приближаясь к месту схватки. Падают солдат идущий по левую руку. Слышная команда: «Ружье наперевес! Раз! Два!» Рота ошетиливается штыками. «Марш! Марш!» Свистят пули. Падают еще один солдат, другой. «Марш! Марш!»

Развеваются русские знамена.

«Марш! Марш!» Еще несколько шагов, и вот перед ротой Павла показываются линии французов. Можно отчетливо разглядеть их закопченные лица. «Рота! Повзводно! Пли!»

Рота останавливается. Солдаты первой шеренги опускаются на колено. Стреляют. Сперва первые две шеренги, за ней вторые две. «Рота! Вперед! Марш! Ура!» Русские пехотинцы с ружьями наперевес бегут на врага.

Кричат французские офицеры. Вражеская пехота начинает стрелять: сначала крайний правый ряд, потом второй, следом третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, огонь прокатывается по всей шеренге. Это настоящий шквал огня, линия французов окутывается пороховым дымом, в котором с непрерывающимся треском ежесекундно вспыхивают несколько десятков снопов вылетающего из ствола пламени.

«Ура!» Рота Павла с криком несется на врага, теряя по пути солдат. Видно, как падает сраженный выстрелом капитан Корнеев.

Несколько пуль пробивают кивер Павла. Тот на ходу стаскивает его с головы.

Еще десяток шагов, и с громогласным «ура!» русские пехотинцы врезаются в противника. Завязывается штыковой бой.

Павел колет одного, француз с воем падает. Павел бьет прикладом второго, тот отбивает удар и контратакует. Павел парирует удар штыка, снова колет в живот, француз, охнув, складывается пополам. Павел отпихивает его в сторону и бросается на следующего врага, делает несколько яростных выпадов. Француз отчаянно защищается, вдруг атакует сам и ранит Павла в левое плечо. Не обращая внимания на рану, Павел с четвертой попытки закалывает соперника. Тут же скрещивает штык с другим.

Вокруг идет смертельная битва. Слышны звуки выстрелов, вопли раненых, звон сабель и штыков, крики французов и рев русских. Вот один из русских солдат вцепляется противнику в горло.

Около него падает однополчанин, получив удар французского штыка в грудь.

Вот капитан Шахов в изодранном мундире стреляет из пистолета и со шпагой в руке львом бросается в гущу врагов.

Позади него пуля убивает наповал русского полкового барабанщика.

Вот Пахом, размахивая ружьем, как дубиной, оглушает французского офицера.

Вот падает с пробитой головой тот самый генерал, заменивший знаменосца. Вместе с ним падает и знамя. Его поднимает какой-то солдат, но его также скашивает французский выстрел. Другой солдат приходит товарищу на помощь и подхватывает полковой стяг. Поднимает его высоко над головой.

Вот пытается встать на ноги окровавленный русский солдат, но на его седую голову тут же опускается французская сабля.

Вот у дерущегося Ильи вдруг переламывается пополам ружье. Он отскакивает назад, избегая удара штыком, и выхватывает тесак. С трудом отбивается им от продолжающего наседавать французского солдата, пятится, спотыкается о лежащее под ногами тело и падает. Француз заносит ружье для завершающего удара. Появившийся Павел втыкает в бок врага штык.

ПАВЕЛ

Держись, братцы! Вперед!
Ура!

Павел кидается вперед. «Ура!» Его однополчане, подхватив победный клич, устремляются за ним.

От нового удара русских штыков французская бригада сдает назад и, наконец, бежит.

Павел настигает противника. Колет французского солдата в спину, несется дальше за следующим.

НАТ. СЕМЕНОВСКИЕ ФЛЕШИ. УТРО.

Остатки русских полков с криком «ура!» толпой преследуют драпающих во весь опор французов, ступая по телам убитых товарищей и врагов. Над их головами развеваются изорванные и обгоревшие полковые знамена. Гремят русские барабаны, слышен бодрый звук флейт. Павел с товарищами подбегают к занятым французами флешам, над которыми реет трехцветный

флаг вражеской бригады. Противник успевает выстрелить, но это не останавливает русских солдат.

Павел в два шага взбирается на заваленную трупами насыпь. Колет француза. Бросается на следующего, отталкивает его, бежит вперед.

Рядом с ним закалывает своего противника Илья. Бежит за Павлом.

Чуть дальше, не покладая рук, работает то штыком, то прикладом Пахом.

Впереди всех оказывается капитан Шахов. Он стреляет из пистолета, бежит дальше, ударом шпаги убивает французского знаменосца. Выхватывает из его рук древко. Но тут же на Шахова накидывается противник. Капитан отбивает удар. Его шпага ломается. И усатый француз со всей силы втыкает ему штык в грудь.

Павел кидается на усача, который торопится вынуть из тела Шахова штык, но не успевает сраженный ударом. Павел поднимает с земли французское знамя, ломает древко о колено и бросает его себе под ноги.

ПАВЕЛ

Ура! Ура! Братцы, победа!
Ура!

Под эти крики последние французы удирают с флешей.

Теперь там толпятся опьяненные успехом русские солдаты, развеваются русские знамена, звучит русское слово «победа», гремит русское «ура».

Вокруг флешей все пространство в радиусе ста метров завалено телами убитых и раненых, русских и французов, людей и лошадей.

ПАХОМ

(крестится)

Господи.

ПАВЕЛ

Не время. Потом молиться
будешь.

(кричит)

Братцы, ищи раненых и
оттаскивай их к ополченцам!
Остальные, ставьте пушки!

Павел идет к опрокинутому оружию. В одиночку переворачивает его.

Илья и еще несколько пехотинцев следуют его примеру и разворачивают в сторону французов два соседних орудия.

Другие солдаты вытаскивают своих раненых товарищей из-под трупов, относят их под руки за флешей, кладут на землю и возвращаются за другими.

Павел беретса за оглобли зарядного ящика, подкатывает его ближе к орудию. Идет к пушке, смотрит на французские позиции.

Французские солдаты небольшими группками бегут от флешей к своим линиям, стоящим в отдалении. Видно, как по пути офицеры останавливают их, собирают во взводы.

ПАВЕЛ

(кричит)

Ребята! Канониры есть?!
Кликните там!

Ему никто не отвечает.

ПАВЕЛ

Черт!

Павел хватает банник и начинает сам прочищать ствол орудия.

ИЛЬЯ

Ты, Павел Ефремович,
оказывается и канонирское
дело тоже знаешь.

ПАВЕЛ

Повоюй с мое, научисься.
Давай, хватай банник и айда.
Пахом!

Слышны крики: «Есть! Тут, тут! Есть канонир! Есть! Иди, зовут тебя!» Павел отрывается от работы, оглядывается на голоса товарищей.

К Павлу быстрым шагом подходит молодой высокий и плечистый канонир без кивера, но с тесаком в руке. Лицо канонира – это лицо самого Павла только девятнадцать лет назад, когда его только забрали в солдаты. Даже размазанная по щекам и лбу пороховая копоть не может скрыть очевидного сходства между ним и Павлом. Канонир подходит, вкладывает тесак в ножны и вытягивается.

ЕФРЕМ ПАВЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Канонир двенадцатой
батареи роты Ефрем
Ермолаев.

От волнения Павел дергает несколько раз банник, пытаясь вытащить его из ствола орудия, в итоге тот ломается у него в руках.

ПАВЕЛ

Как ты сказал? Ефрем
Ермолаев? Ефрем? Ефрем, а
дальше.

Канонир, кажется, не замечает своего очевидного сходства с Павлом.

ЕФРЕМ ПАВЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Павлович, вроде бы. Мы графа
Салтыкова люди. Я сам сирота
круглый, без отца и матери.
Бабка у дьяка записала
Ефремом Павловичем. Выходит,
я - Ефрем Павлович.

ПАВЕЛ

Ефрем Павлович. Как сирота?
Как? Почему? А где же
Анютка? Анютка где? Мать
твоя где? Анютка! Где Анна?
Анна, ты слышишь?

Павел бросается к обескураженному канониру, хватая его, трясет за плечи.

ЕФРЕМ ПАВЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Откуда?

ПАВЕЛ

Почему сирота? Почему? Где
Анютка, сынок? Где мама
твоя?

ЕФРЕМ ПАВЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Сынок? Батюшка?

ПАВЕЛ

Да, да. Деревня Берестовка,
крепостные графа Салтыкова.
Мать твоя - Смолина Анна
Касьяновна, бабка твоя -
Аксинья Федоровна. А я -
отец, отец твой, ты слышишь.
Ермолаев я, Павел Ефремович.

ЕФРЕМ ПАВЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Так, умерла же мама.

Павел смотрит на сына, не веря своим ушам.

ПАВЕЛ

Как?

ЕФРЕМ ПАВЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Еще давно.

Павел отпускает плечи сына, отходит и садится на лафет пушки, обхватывает голову руками.

ЕФРЕМ ПАВЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Бабка сказывала, через неделю как снесла меня, так померла матушка. Замучили ее совсем на дворе у барина, вот она и не сдюжила. Куда там, барин у нас совсем лютый. Люди сказывали, он и деда моего Ефрема совсем насмерть запорол. Просто зверь, а не барин. И нет никакого сладу с ним. Хорошо, война началась, тут мне лоб забрили. Двадцать пять лет, и свобода, все.

Павел зажимает ладонями уши, не желая больше выслушивать печальную историю своей семьи. Он сидит, раскачиваясь и мыча, пытаюсь унять боль утраты, наконец, не выдерживает и громко кричит от отчаяния. Крик его тонет в грохоте грома, грома, исходящего от французских батарей, за которым следует долгий, очень долгий, бесконечно долгий свист десятков ядер.

Они врезаются в насыпь Семеновских флешей, поднимая вверх кусты земли, они врезаются в тела убитых, отрывая от них кровавые бесформенные шматки, они долетают до еще живых русских солдат.

Одно из ядер убивает знаменосца, другое отрывает канониру руку по самое плечо. Из раны хлещет кровь. Ермолаев младший со стоном падает к орудию.

Его мундир распахивается, и из-за пазухи вываливаются аккуратно сложенные и запечатанные письма его отца к матери.

Павел оборачивается и видит лежащего у пушечного колеса мертвого сына.

ПАВЕЛ

Сынок!

Павел бросается к умирающему сыну.

Павел склоняется над безжизненным телом сына, приподнимает его и заключает в объятия. Целует в висок. Крепко, очень крепко сжимает его, пачкая кровью впившиеся в канонирский мундир руки. Закрывает глаза.

НАТ. ПШЕНИЧНОЕ ПОЛЕ. ДЕНЬ.

На голубом небосклоне высоко стоит жаркое солнце, заливая ярким светом неподвижное море золотистых колосьев.

Павел, голый по пояс, убирает хлеб. Он мерно размахивает косой. Его движения правильны и красивы.

С каким-то металлическим звуком острое лезвие косы, блестя против солнца, ловко подрезывает колосья, которые, описав полукруг, ложатся на сторону ровным рядом.

Павел делает еще несколько взмахов, прерывается, оттирает со лба пот; оглядывается.

Сзади, у связанных снопов никого нет, только расстелен на стерне белый платок, на котором лежит ржаной хлеб, а рядом стоит крынка с молоком.

Павел смотрит по сторонам, но вокруг никого нет.

НАТ. СЕМЕНОВСКИЕ ФЛЕШИ. УТРО.

Павел открывает глаза. Шум битвы возвращается.

Видно, как напуганные французской канонадой русские пехотинцы торопятся покинуть флеши.

Павел укладывает тело сына на землю, поднимается во весь рост, не обращая внимания на сыплющиеся со всех сторон вражеские ядра и бомбы.

ПАВЕЛ

(орет)

Стой! Стой! Куда?! Братцы,
стой! Куда?! Держать строй!

Павел бросается за однополчанами.

Павел выхватывает из руки убитого знаменосца флаг и изо всей силы втыкает древко в землю.

ПАВЕЛ

Стой! Сюда, ко мне! Братцы!
Сюда! Держать строй! Держать
строй!

Шум артиллерийской пальбы постепенно стихает. Слышно, как начинают бить французские барабаны, как играют французские флейтщики.

ПАВЕЛ

Стой! Все сюда!

Остановленные решимостью Павла, солдаты начинают возвращаться.

ПАВЕЛ

Первая рота, ко мне.
Стройся!

К Павлу подходят человек пятнадцать прокопченных дымом солдат в побитых мундирах, среди них Илья и Пахом.

ПАВЕЛ

Это все? Где остальные?

ПАХОМ

Похоже, все.

ПАВЕЛ

Вторая рота!

Видно, как сзади подходят еще человек сорок-пятьдесят пехотинцев. Многие из них ранены.

ПАВЕЛ

Третья рота!

ИЛЬЯ

Тут мы все, Павел Ефремович,
весь наш первый батальон
тут, окромя убитых.

Павел оглядывает уже подошедших и продолжающих подходить пехотинцев, оглядывается на позиции французов.

Там выстраиваются в линии синие батальоны.

Павел вглядывается в лица выживших в атаке на флешу однополчан.

ПАВЕЛ

Ну что, батальон, повоюем в
последний раз?

Солдаты стоят толпой. Одни смотрят на Павла, другие в сторону французов.

ПАВЕЛ

Братцы, нам надо здесь
встать. Вот здесь. Коль
начальство так решило,
значит, стоять нам тут. За
Отечество, братцы,
понимаете?

Никто не отвечает, все молчат и только лишь начинают
приводить себя в порядок: кто подтягивает лямку патронной
сумы, кто пытается застегнуть изорванный мундир, а кто
оттирает окровавленный штык пучком травы.

ПАВЕЛ

Батальон! Поротно! В две
шеренги! Стройся!

Солдаты быстро проходят вперед мимо Павла и воткнутого в
землю знамени, строятся на гребне двух фасов флеша.

Пахом останавливается у тела сына Павла.

ПАХОМ

(перекрестившись)

Давай я его, Павел
Ефремович, отсюда подальше
перенесу.

ПАВЕЛ

Не надо. Пусть тут. Хоть
умрем рядом. Становись в
строй, Пахом.

Пахом идет занимать свое место во второй шеренге.

Под грохот барабанного боя и звуки флейт французская
пехота разворачивается для атаки на флеша.

ПАВЕЛ

Батальон! Заряжай!

Павел поднимает с земли ружье и проделывает все
необходимые для стрельбы манипуляции: взводит курок, сыпет
порох на полку, скусывает патрон, загоняет его шомполом в
дуло.

ПАВЕЛ

Первая шеренга! На колени!

Закончив командовать, Павел оглядывается назад, на поле,
усыпанное убитыми воинами, на мечущихся коней, потерявших
своих всадников.

Павел идет к шеренгам, протискивается между товарищами и занимает свое место. Справа от него стоит на колене Илья, позади которого шепчет молитву себе под нос Пахом.

Нарастает мерный звук французских барабанов и заунывный вой флейт. Французская бригада, шагая по трупам своих соотечественников, приближается к флешам.

На суровых мужественных лицах русских солдат видна решимость: они готовы дать врагу последний бой, умереть, но не сдвинуться с места.

Уверенным шагом наступают французы. Полощется на ветру расшитый золотом трехцветный флаг. Блестят на солнце выставленные вперед французские штыки.

На гребне флешей, под сенью развевающегося полкового стяга, две ощетинившиеся ружьями шеренги русских воинов ждут приближения врага. Слышен зычный крик Павла: «Батальон! Товсь!»

НАТ. ОКРЕСТНОСТИ ДЕРЕВНИ ШЕВАРДИНО. УТРО.

На холме в окружении маршалов и генералов стоит Наполеон в серой шинели и черной треуголке. Положив подзорную трубу на плечо офицера, он долго смотрит в сторону Семеновских флешей.

В объектив подзорной трубы попадает стоящий на гребне флешей 1-й батальон. Внимание императора привлекает стоящий в центре линии Павел, высокий плечистый солдат с непокрытой головой.

ЗТМ

ТИТР:

«Из всех моих сражений самое ужасное – то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». Наполеон Бонапарт.

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ДЕНЬ.

Прорезанное ровными линиями аллеи пространство регулярного парка. Яркое августовское солнце освещает вершины лип, под сенью которых белеют скульптуры мифологических персонажей. Чистое синее небо отражается в неподвижных водах широкого пруда; несколько белых лебедей важно выплывают из-за кустов, окаймляющих его пологие берега.

По тенистой аллее, заразительно смеясь, бежит МАРИЯ, молодая красивая девушка в пышном платье.

Ее преследует Император АЛЕКСАНДР 1-й. Он догоняет девушку, пытается ее обнять, но та выскакивает из западни и бежит дальше.

АЛЕКСАНДР 1-й

(на французском)

Мари, куда же вы,
остановитесь. Я не успеваю
за вами.

Порозовевшая от погони Мария останавливается и поворачивается лицом к Александру.

МАРИЯ

(на французском)

Хорошо, Александр, но
обещайте быть более
скромным. К тому же, нас
могут заметить.

Мария кокетливо улыбается царю, разворачивается и медленно идет по аллее, давая возможность Александру ее догнать.

Император берет Марию под руку. Теперь они идут бок о бок. Александр склоняет голову к уху девушки, что-то ей шепчет. Мария звонко смеется.

Они подходят к мостику, переброшенному через рукотворный канал.

Стоящий на часах усатый «измайловец» с тремя медалями на груди, в котором можно распознать повзрослевшего Илью, ловко выполняет команду «на караул», вытягивается в струнку и замирает.

Мария останавливается, оглядывает застывшего солдата. Воспользовавшись моментом, Александр целует девушку в шею.

МАРИЯ

(на французском)

Ах, подождите, вы такой
нетерпеливый.

АЛЕКСАНДР 1-й

(на французском)

Это не я, это торопится мое
сердце.

Александр хочет поцеловать Марию еще раз, но та отстраняет голову.

МАРИЯ

(на французском)

Александр, это правда эта история, когда ваша бабушка, Екатерина Великая хотела одарить часового рублем, а он - грубиян такой его даже не взял.

АЛЕКСАНДР 1-й

(на французском)

Я не знаю, возможно. Впрочем, бабушка любила иногда присочинить. Попробуйте сами, Мари.

МАРИЯ

(на французском)

Я не смею. Он меня не слушает. У него такой строгий вид. Лучше вы. Вы же все-таки император.

Александр охлопывает мундир.

АЛЕКСАНДР 1-й

(на французском)

Кажется, у меня нет с собой даже рубля.

МАРИЯ

(на французском)

Ваша бабушка была более предусмотрительной. Вот, держите.

Мария протягивает императору серебряную монету.

Александр подходит к Илье, протягивает ему рубль.

АЛЕКСАНДР 1-й

(на русском)

Ты братец, как я вижу, при Бородине был. Ну так вот тебе рубль на водку.

Илья скашивает на рубль глаза, но остается недвижим.

АЛЕКСАНДР 1-й

(Марии, на французском)

Мари, мой рубль он тоже не хочет брать.

МАРИЯ

(на французском)

Значит, это правда. Тогда
киньте монету в траву. Когда
он сменится, то заберет ее.
Я слышала, ваша бабушка
сделала именно так.

Александр кидает монету на землю к ногам часового и возвращается к Марии; берет ее под руку, снова пытается поцеловать, но она вырывается и бежит; император следует за ней.

Друг за другом они перебегают через мостик, ведущий к павильону «Эрмитаж».

Мария бежит вдоль перил, окаймляющих рукотворный канал, останавливается, переводя дыхание. К ней подбегает Александр, что-то говорит ей, она смеется.

Они стоят на фоне идеально разбитого регулярного парка, упирающегося в сияющий позолотой Екатерининский дворец, за которым тянутся бескрайние просторы царских владений.

КОНЕЦ